Друзьям-альпинистам, товарищам по оружию и спорту — живым и тем, кто погиб в боях за родные горы, посвящаю эту книгу.

Автор

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

И. ВЕТРОВ

ПЕРЕВАЛ БЕЧО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974

9(С)27
В39

В августе 1942 года, когда гитлеровские войска вышли к перевалам Центрального Кавказского хребта и немецкие горные егеря установили фашистский флаг на Эльбрусе, группа советских альпинистов совершила подвиг, вошедший в славную историю обороны Кавказа. Несколько наших известных спортсменов, покорителей высочайших горных вершин Советского Союза, — Юрий Одноблюдов, Александр Сидоренко, Алексей Малеинов и другие — получили задание командования вывести через перевалы в долины Закавказья людей, живших и работавших на Тырныаузском молибденовом комбинате, расположенном в Баксанском ущелье. Путь для эвакуации был отрезан наступающим врагом, и для работников комбината оставалась лишь одна дорога, ведущая через горы, трудная и опасная. Только тренированные спортсмены под руководством опытных альпинистов в довоенное время осиливали эту дорогу. Теперь же по ней — через опасный перевал Бечо — предстояло перевести полторы тысячи людей, никогда не совершавших горных восхождений, людей, среди которых было много детей всех возрастов, женщин, стариков и больных.

При недостатке альпинистского снаряжения, в условиях сложных и трудных этот массовый переход был осуществлен с полным успехом — все участники его благополучно переправлены в долины Сванетии. Успех обеспечили энергия, мужество и самоотверженность альпинистов — руководителей похода — и воля и выдержка советских людей, сумевших перенести все опасности и лишения во имя того, чтобы не попасть в руки ненавистного врага.

Позднее альпинисты, организаторы этого легендарного перехода, участвовали в боях на Кавказе и некоторые из них зимой 1943 года входили в состав отряда, поднявшегося на почти недоступную в это время вершину Эльбруса, чтобы сбросить с нее фашистский флаг и снова уже навсегда водрузить там советское знамя.

Повесть «Перевал Бечо» написана не профессиональным писателем, а известным советским альпинистом, партизаном Великой Отечественной войны и участником боев на Кавказе И. Ветровым. И читается она с интересом, так как дает действительное представление о славном подвиге наших спортсменов — одном из тысяч легендарных подвигов советского народа в грозные годы борьбы с фашизмом.

С. С. Смирнов, писатель, лауреат Ленинской премии

В $\frac{70302-044}{078(02)-74}$ 177—74

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Уложив Танюшку спать, Мина потушила керосиновую лампу и присела на диван. Из головы не выходила война. Бушуя в предгорьях Кавказа, она уже обжигала своим холодным дыханием и ее маленькую семью, тревожно звучала в голосе мужа, который успокаивал ее как мог перед отъездом:

— Ты не волнуйся, Миночка, все будет хорошо...

— Так ли, Юра?

Что мог он ей ответить, если и сам не знал, зачем его вызывают в Нальчик. Если на сборы начальников военно-учебных пунктов, а он таковым по совместительству значился в Эльбрусском районе, то дело привычное: стрельбище, овраги, лазание по-пластунски. Если на фронт... Туда он уже давно рвался. Но одно — стремление; другое — обстановка... Когда заходил разговор о фронте, военком, насупив брови, поднимался из-за стола и, повышая голос, говорил:

— Вы нужны в горах.

Много доброго слышал военком о белобрысом, энергичном начальнике спасательной станции из Эльбрусского района, известном в стране альпинисте.

Тяга к горам приводила художника-графика по профессии Однаблюдова каждое лето на Кавказ, пока не заставила совсем поселиться с семьей в Баксанском ущелье, на горноспасательной станции.

Людей, по-настоящему знавших горы, оставалось не так уж много. Одни взяты на фронт, другие заброшены в тыл врага. Тех, кто оставался в Приэльбрусье, можно было пересчитать по пальцам. Поэтому военком так упорствовал и всеми правдами и неправдами удерживал в Баксанском ущелье Одноблюдова и его друзей. И вот сегодня вызов в Нальчик...

Где-то позади, за ельником, послышался протяжный гудок машины.

— Это, Юра, за тобой! — с дрожью в голосе воскликнула Мина.

Набросив на плечи полинявшую штормовку, Юра поцеловал спящую дочурку и, обняв жену, прошептал ей на ухо:

— До моего возвращения не уходи отсюда.

— А если... — И Мина заплакала.

— Если задержусь, то жди от меня записку.

Снова загудела машина. Юра круто повернулся и побежал к старенькому «газику», примостившемуся у обочины дороги. Шофер хлопнул дверцей кабины, включил зажигание. Машина рванулась и понеслась по ущелью...

Давно пробило двенадцать. Ночь по-прежнему стояла темная, беспокойная. Временами сверкала молния, и запоздалый гром волнами катился по всему ущелью, наполняя его тревожным гулом. Тревога, подкравшаяся к сердцу, не давала уснуть. Мина лежала с открытыми глазами, вслушиваясь в завывание ветра.

Спать! С рассветом — на пастушьи коши. Ведь только там, у балкарцев, можно достать молоко для заболевшей дочурки... И вдруг среди ночи глухой и протяжный звонок:

— Горноспасательная?.. Будете говорить с Тырныаузом. — Короткая пауза и отдаленный треск, доносившийся из телефонной трубки.

— На проводе Чепарин, парторг ЦК. Где Однополюдов?

— Юрий Васильевич в Нальчике.

— Только появится — немедленно в Тырныауз...

Через несколько минут парторг ЦК говорил с начальником альпинистского лагеря «Рот фронт», как тогда назывался лагерь киноработников.

— Это Сидоренко? Ты, Саша? Очень хорошо. Нужна помощь альпинистов.

— Какая?

— На месте узнаешь.

— Собираться?

— Сию же минуту...

В Тырныаузе парторг ЦК ВКП(б) по горно-металлургическому комбинату спешно снарядил Сидоренко в Нальчик.

— Вернешься шестого, но запомни: без Одноблюдова и Моренца не показывайся на глаза, — наказывал он альпинисту.

Шестого августа, как просил Чепарин, Сидоренко не возвратился в Тырныауз. В тот день он с трудом добрался до Нальчика и на Кабардинской, центральной улице города, недалеко от кинотеатра, встретился с высоким широкоплечим парнем в горных ботинках.

— Коля?

Это был Моренец. Родом из Сум, Коля в сороковом году закончил там среднюю школу. Мечтал стать учителем истории, готовился поступить в педагогический институт. Получилось по-иному: его забрали в армию на действительную службу. А вскоре война, фронт под Смоленском.

Во время боя в окоп, где находилось несколько солдат и офицеров, попал снаряд. Все были убиты, а Моренец тяжело ранен в спину и в обе руки. Фашисты снова ринулись в атаку. Их яростные вопли «Рус, ка-

пут!» уже звучали совсем рядом. Моренец вылез из окопа, чтобы вызвать огонь на себя... Сознание вернулось в медсанбате. Пять месяцев пролежал без движения в оренбургском госпитале, а затем — госпиталь в Ташкенте. Его родной город Сумы находился в глубоком тылу врага, и Николай, как только раны чуть зарубцевались и он смог ходить, решил ехать на Кавказ. Через Каспий с трудом добрался до Баку, а затем поездом до Нальчика. Тут было все-таки ближе к горам, фронту.

Весной 1942 года, почувствовав себя лучше, сразу явился в городской военкомат.

— Ваша повестка? — спросил его пожилой майор с артиллерийскими петлицами.

— Какая повестка? — пожал плечами Моренец. — Если я здоров и мое место на фронте.

Седой майор не спеша растолковал добровольцу, что сначала нужно поправить здоровье, а затем идти за назначением. Майор был неумолим и лишь в последний момент, прощаясь с Моренцом, тихо сказал:

— Могу как исключение послать военруком в школу...

Так Моренец остался на Кавказе.

Неожиданно встретив в Нальчике Сидоренко, Коля так и засиял от радости.

— Как ты сюда попал, Саша? — удивленно спросил он.

— За вами приехал.

— За нами? А письмо от комбината при тебе?

— Конечно.

— Тогда пошли к военкому.

Однаблюдова они нашли на Республиканской улице, в здании средней школы, где размещался военно-учебный пункт. Объяснив Юре, в чем дело, они тут же отправились к военкому. Майор хорошо знал о сложив-

шейся в горах обстановке и дал указание об откомандировании альпинистов в Тырныауз.

Оформив проездные документы, Одноблюдов, Сидоренко и Моренец оставили Нальчик.

Все чаще звучали голоса сирен. То в одном, то в другом месте из-за туч прорывалось глухое урчание моторов, и тотчас небо озарялось вспышками разрывов.

Фронт неумолимо приближался. На постах, где обычно дежурили милиционеры, стояли красноармейцы с винтовками. Через город проходили артиллерийские батареи, саперные команды, грузовики с оборудованием, вереницей тянулись подводы с беженцами. В районе новых построек горели воинские склады, и над городом ползли густые клубы дыма. Остановившись на железнодорожном переезде, Одноблюдов, Сидоренко и Моренец глядели на эту грустную картину и думали: «Скорей бы попутную машину — и к делу».

Машины, которые проходили в направлении Баксана, везли боеприпасы и не останавливались. Альпинисты, не раздумывая больше, отправились пешком, рассчитывая в Чегеме или в крайнем случае в Кызбуруне пристроиться на какой-нибудь попутный транспорт.

Только 8 августа утром альпинисты после многих мытарств и приключений добрались до горняцкого поселка. Косой надоедливый дождь второй день хлестал по крышам, оставляя на улочках поселка многочисленные лужи и раскисшую землю.

Изредка встречались прохожие, в большинстве женщины. Были открыты магазины, работали школы и поселковые учреждения. У продмага стояла очередь за хлебом. У шахтных подъемников, на развилках горных дорог, у речных мостов и даже у здания управления комбината — вооруженные патрули, на склонах гор — врытые в землю, замаскированные дерном зенитные орудия. У клуба хрипел старенький репродуктор, а за

рекой, как и прежде, урча и буксуя, неуклюже ползли грузовые машины с рудным концентратом. Его увозили в Нальчик, а оттуда поездами и самолетами за Уральский хребет на сталеплавильные заводы, где варился металл для брони.

С каждым днем обстановка становилась тревожней. Уже был захвачен немцами Ростов. Хозяйничали они в Армавире, Невинномысске, Георгиевске, вели бои за Минеральные Воды...

Подкрепившись, альпинисты направились к управлению комбината. Дорога поднималась в гору. Минут за десять она привела их к большому каменному зданию с широкими окнами. Перед фасадом на вымощенной площадке стояли машины, в большинстве грузовые, у коновязей оседланные лошади пощипывали сено...

— Вам куда, товарищи? — строго спросил невысокий суровый вахтер, настороженно разглядывая заросших и обшарпанных альпинистов.

— К парторгу.

Одноблюдов протянул красную книжицу работника горноспасательной станции и направление военкома.

— Проходите, — вернув документы, сказал вооруженный вахтер.

В здание зашел один Одноблюдов. Сидоренко и Моренец остались на улице. Примостившись под навесом, они решили подремать, пока Юрий Васильевич, как старший среди них, будет разговаривать с начальством.

В управлении комбината было людно. Хлопали двери, стучали пищущие машинки. Особенно шумно, тесно и накурено было в коридорах. На первом этаже к двум столам, сдвинутым рядом, подходили бурильщики, канатчики, обогатители и записывались добровольцами на фронт или в местный истребительный батальон.

— Вы к кому, товарищ? — остановил Одноблюдова невысокий старик в очках.

— К парторгу ЦК.

— Направо. Комната четвертая.

В приемной парторга сидела дежурная. Не отрываясь от телефона, она записывала донесения, кого-то запрашивала, кому-то отвечала. Кроме этой моложавой женщины с седыми волосами и озабоченным лицом, в приемной было еще человек пять.

— Товарищ Одноблюдов? — увидев на пороге человека в альпинистской штормовке, спросила дежурная.

— Так точно.

— Проходите! Вас уже давно ожидают.

Юрий открыл массивную, обитую дерматином дверь и нерешительно остановился у порога. В большом кабинете парторга Чепарина было много людей. Они о чем-то оживленно спорили.

— Заходите! Заходите! — узнав начальника спасательной станции, поднялся с места плотный мужчина в защитной гимнастерке, подпоясанной широким командирским ремнем со звездочкой на пряжке.

Парторг встретил Одноблюдова приветливо, но от Юриных глаз не ускользнули чуть насупившиеся брови и промелькнувшее на лице парторга недовольство.

— Я же просил прибыть шестого, а вы?..

— Никак нельзя было, Петр Диомидович, — словно извиняясь, заметил Одноблюдов. — Мы едва пробились к Баксану, машины не берут. Кругом стрельба, бомбежки. Там уже фронт.

— А как в Былыме? Тоже стреляют? — снова спросил парторг и потер ладонями лицо, будто пытаясь снять с него усталость.

— Под Харахорой кабардинцы уже взорвали алебастровые печи, расположенные у подножия горы. В Былыме тоже напряженно. Там идут бои с десантом гитлеровских автоматчиков. Мы сами едва вырвались оттуда.

По мере того как Однаблюдов рассказывал, лицо парторга все больше и больше хмурилось. Давно ли он был в Баксане, на Баксангэсе, в Заюково, под известняковыми горами Харахоры? Подумать только, за каких-нибудь два-три дня все так переменилось.

Отворилась дверь. В кабинет вошли начальник комбината Чирков. в военной форме, главный инженер комбината Сендерович в потертой кожаной куртке, и лысоватый маркшейдер в мягких, смазанных жиром сапогах.

Представив Однаблюдова начальнику комбината, парторг сразу заговорил о рудниках:

— Думаю, альпинисты кое-что знают о добываемой там руде?

— Немного приходилось слышать, — кивнул Однаблюдов. Много путешествуя по Кавказу, совершая восхождения на горные вершины, он знал, что в незапамятные времена местные охотники, кабардинцы и сваны, пробираясь узкими тропами за турами, находили куски горного хрусталя, каменного угля, золота, железные и медные руды, а балкарцы с верховьев Баксана заметили в складках одной из вершин странный тусклый блеск и назвали ее Кургашилли — Свинцовая гора...

— На Свинцовой горе — наши рудники, — продолжал парторг. — Там добываются редкие металлы. Несколько граммов — и сталь становится необычайно прочной и тугоплавкой. Думаю, вам понятно, товарищ Однаблюдов, что без нее нет самолетов, пушек, танков, газовых турбин и других сложных машин...

— Петр Диомидович, — удивленно пожимал плечами Однаблюдов, — не пойму только, к чему такое пространное предисловие. Скажите прямо, что же вы от нас хотите?!

— От вас... — Чепарин пристально взглянул на смуглое от загара лицо альпиниста, хотел что-то ска-

зать, но тут зазвенел телефон. Придвинув к себе аппарат, он поднял трубку:

— Да! Чепарин слушает.

Разговор затягивался, от нервного напряжения лицо парторга покрылось испариной.

— Говорите, немцы прорвали фронт?!

В трубке затрещало, и парторг снова услышал голос полковника Купарадзе, командовавшего войсками на Баксанском направлении.

— Рассчитывать на свои силы... — голос наконец прорвался сквозь треск и завывания и зазвучал так громко, что не было никакой необходимости прижимать трубку к самому уху.

— Я вас понял, товарищ полковник. Быть начеку... Ориентироваться по обстановке...

— Гунделен, Гунделен!

Но штаб дивизии безмолвствовал.

Стараясь скрыть волнение, Чепарин не спеша вставил в обкуренный мундштук папиросу и закурил. В кабинет заходили все новые и новые люди, шумно здоровались и тут же садились за стол.

— Невероятно... — положив дымящуюся папиросу на круглую хрустальную пепельницу, нарушил молчание парторг. — Механизированные части Клейста захватили Пятигорск, Георгиевск, Ессентуки, форсировали мелководную Малку и завязали бои под Баксаном. Это на земле. С воздуха гитлеровцы бомбят Нальчик и ближайшие от нас населенные пункты...

— Это с юго-востока, — воспользовавшись паузой, заговорил Одноблюдов, — а с северо-запада фашистские егеря из горноальпийской дивизии «Эдельвейс», говорят, прорвались к Учкулану и двигаются на Эльбрус.

— Как видим, товарищи, — продолжал Чепарин, — обстановка неутешительная: фашисты рвутся к перевалам Центрального Кавказа. Они уже нарушили связь

с нашими частями, действующими в Кабарде и Сванетии, перекрыли дороги на Нальчик, отрезали пути на Карачай.

— Выходит, под угрозой Тырныауз и наш комбинат? — неожиданно спросил маркшейдер.

— А ты как думал, — ответил за парторга начальник комбината. — Фашистам позарез нужна бакинская нефть, наши металлы.

Чирков нервно приподнялся с места и подошел к окну, где еще несколько минут назад стоял и дымил папиросой парторг комбината. Он стоял, сложив руки, и с грустью смотрел в окно.

Что он там видел? Вздыбленную в синеву неба гору, которую балкарцы называют Кургашилли? А может, думал о людях, которые проложили в этой скале глубокие шахты, длинные штреки, где снуют электропоезда с рудой...

— Неужели все достанется проклятым фашистам?

К начальнику комбината подошел парторг. И, как бы отвечая грустным мыслям Чиркова, сказал:

— Не бывать этому. Будем все, буквально все взрывать... Шахты, флотационные машины, мосты, «канатку». Что касается концентратов, то попробуем переправить их через Былым в Чегемское ущелье, а если не удастся, то уложим, как мы с тобой договорились, в матерчатые мешочки и с помощью альпинистов перебросим через перевал.

— Это с концентратами, Петр Диомидович, а как с семьями рабочих — детьми, женщинами?.. — тревожился тот же лысоватый маркшейдер.

— Эвакуировать будем, — сказал Чирков тихо и отчетливо.

— А куда? Вы подумали? — И, видимо сообразив, что задал нелепый вопрос, маркшейдер покраснел и до конца разговора не проронил ни слова.

— В Закавказье. Кажется, об этом я уже говорил, товарищ инженер, — в тон ему ответил парторг. — Для этого, собственно, и пригласили сюда альпинистов, знатоков гор.

Сразу стало тихо. Даже слышно было, как у запыленного светильника монотонно жужжала муха.

Немного помолчав, Чепарин вдруг резко повернулся в ту сторону, где сидел вызванный в Тырныауз начальник горноспасательной:

— Теперь вы понимаете, что я от вас хочу...

Поднялся Одноблюдов, чуть сутулый, в поношенной штормовке, из-под которой выбивался свитер.

— Есть один путь — через перевалы Центрального Кавказа! Через Бечо или Донгуз-Орун.

Теперь говорил Юрий Васильевич. Он рассказывал руководителям комбината о том, что представляют собой перевалы, какие препятствия ждут их там: каменные осыпи, быстрые реки, крутые снежники, ледниковые трещины.

— Эти препятствия непреодолимы? — спросил парторг.

— Почему же, Петр Диомидович. Летней порой, в довоенные годы, альпинисты и туристы перебирались через перевалы на юг, к Черному морю.

— Так то альпинисты и туристы! Им под силу и более трудные маршруты, — сказал главный инженер комбината. — А как быть с нашими людьми?

«Действительно, как быть с людьми неподготовленными? — думал про себя и Одноблюдов. — Что посоветовать, скажем, немощной старухе, шахтеру с больным сердцем или ребенку? Направить к врачу, комиссовать по здоровью, оставить у фашистов?..»

Люди одновременно заговорили, заспорили.

— Никого оставлять не будем, — выждав, пока улягутся страсти, тоном, не допускающим возражений, под-

вел итоги начальник комбината. Потом, взяв со стола карандаш, повернулся к Одноблюдову и спросил: — А как у тебя со снаряжением?

— Неважно, товарищ Чирков.

Начальник комбината нахмурил брови, и острый кончик карандаша застучал по столу.

— Куда же ты его девал?

— Передал горнострелковым частям Красной Армии.

— Даже из «бэу» ничего не осталось?

— Думаю, товарищ Чирков, кое-что наскребем, — заверил Одноблюдов, — две-три веревки «сороковки», семь пар некованых ботинок и с десяток ледорубов без темляков.

— А что в «Рот фронте», у товарища Сидоренко?

— Кроме полусотни кошек без колец да дюжины изодранных палаток-полудаток, тоже ничего нет.

— А в «Азоте», у Малеинова?

— Как докладывал мне Алексей Александрович, у него два бурта вспомогательной веревки-репшнура, десяток дырявых штормовых костюмов, немного горных ботинок со сбитыми триконями, и, пожалуй, все.

— Не густо, товарищ спасатель. Но на худой конец и это неплохо.

Чирков хотел еще что-то сказать Одноблюдову, но в последний момент передумал. Повернувшись к своему помощнику, главному инженеру комбината, спросил:

— Ну а чем мы с тобой, Сендерович, подсобим альпинистам?

— Пеньковой веревкой, — поправляя на ходу гимнастерку, ответил главный инженер. — Все, что есть, заберем со складов, а с шахт подбросим альпинистам тросовое хозяйство.

— Кроме снаряжения, нам и люди в помощь нужны, товарищ Чирков, — глухо добавил Одноблюдов.

— От руководства комбината эвакуацией будет за-

ниматься офицер госбезопасности Даганский, снабжением — Лившиц. Кроме того, в ваше распоряжение с «канатки» дадим Ивана Чувилева, Михаила Проценко, из отдела капитального строительства — инженера-строителя Григория Федоровича Гудима.

— И все?

— Можно дать инженера Баранова, молодого специалиста, недавно прибывшего к нам из института, и товарища Потоцкого, сотрудника «Цветных металлов», — добавил Чирков.

— А Коля-журналист? — уточнил парторг. — Хорошая кандидатура. Энергичный, верткий парень.

Чепарин подошел к Одноблюдову.

— Знаю, вам и альпинисты нужны. С Тырныауза дадим вашего дружка — Николая Моренца. Добро, Юра?

— Моренец и без вашей добавки, Петр Диомидович, пойдет по нашей линии, — улыбнулся Юрий. — Кстати, он и Сидоренко здесь, ждут меня внизу.

— Тем лучше. — Парторг взял Одноблюдова за локоть и усадил рядом с собой. — Тебя, Юрий Васильевич, назначаем главным. В помощники возьмешь себе Малеинова, Сидоренко, Моренца и этого... Как ты назвал радиста-наблюдателя с метеостанции «Приют девяти»?

— Виктор Кухтин.

— Да, да, Кухтина.

Одноблюдов кивнул в знак согласия и попросил побыстрее доставить их на место, чтобы не задерживать подготовку лагеря к приему беженцев.

— За это не волнуйся, — сказал Чирков и тут же позвонил в гараж, чтобы к зданию комбината немедленно подали «пикап».

Прощаясь с Одноблюдовым, руководители комбината предупредили, что сегодня они будут поднимать по тревоге людей и направлять к нему в Тегенекли.

ВВЕРХ ПО БАКСАНУ

К рассвету ветер успел разогнать тучи, и небо над поселком стало чистым, прозрачным, будто промыли и досуха вытерли его. Кругом еще блестели лужи; точно восковые, трепетали листьями тополя, лохматые акации. Между прибрежных скал носились голосистые стрижи. Но Николаю Моренцу было совсем не до птиц и не до вымытого дождем поселка...

Ночью отбыли в Тегенекли начальник перехода Одноблюдов и его помощник Сидоренко. А Моренцу, военруку местной школы, вместе с другими работниками комбината поручили заняться снаряжением и эвакуацией людей в Тегенекли, куда можно было добраться машинами. Обогнув каменный дом с заколоченными окнами, Моренец направился к шахтерскому клубу, куда уже подавали машины и подводы.

— Шахтеры! Ваши машины справа. Обогатители! Ваши — слева, — энергично работая локтями, выкрикивал коренастый проходчик в поношенной серой шинели.

Больно ударившись ногой о кем-то уроненный в суматохе чемодан, Моренец спешил к головной машине, чтобы погрузить доставленные с «канатки» бурты пеньковой веревки.

— Проценко, ты? — крикнул Моренец стоявшему в кузове молодому инженеру. — Держи канат... Клади его поближе к кабине, чтобы сидеть можно было.

Всю ночь посыльные предупреждали людей об эвакуации, и сейчас многие, разбуженные тревожным стуком, уже сидели в машинах и ждали отправки. Светлело. С котомкой за плечами появился невысокий старик в теплой куртке, застегнутой на все пуговицы. Он медленно шел, опираясь на толстую палку с нарезным набалдашником. То был Кочергин. Рядом шла его дочь, рудничный инженер.

«А может, вот так, сгорбившись под тяжестью узла, где-то бредет и мой отец?» — посмотрев на старика, подумал Моренец и вышел навстречу Кочергиным.

— Разрешите помочь...

— Благодарю, молодой человек, — вежливо ответил Кочергин. — Мы и сами как-нибудь управимся.

— А вам помочь? — обратился Коля к девушке.

— Что вы! Что вы! — ответила она и, сбросив с плеч самодельный вещевой мешок, крикнула сидевшему в кузове светловолосому мальчугану:

— Держи, Петрушка!

Но не успела девушка опомниться, как ее мешок оказался в руках Моренца.

— Держи, Петруша! — теперь уже выкрикнул Моренец.

Потом Николай подсадил старика, помог девушке забраться в кузов машины.

Погрузка шла полным ходом.

С группой работниц обогатительной фабрики подошла жена забойщика Вера Ивановна Ковалева.

— Тетенька Вера, тетенька Вера, идите к нам! — послышался чей-то тоненький голосок, и тут же из-за борта полуторки выглянула перевязанная накрест платком черноглазая девочка лет восьми.

Те, кто уже сидел в машине, принимали от Веры Ивановны Ковалевой и помогавшего ей Моренца узлы, а затем и детей.

Грузилась и семья главного геолога комбината Николая Александровича Хрущева *.

«Тот самый, — подумал Моренец. — Один из первооткрывателей крупнейших в мире месторождений редких металлов».

— Возьми это, — резко выпрямившись, словно боясь выпустить из рук, Николай Александрович подал оцепеневшей от горя жене тяжелый матерчатый сверток. — Ты знаешь, что он для меня значит... Береги его.

То были его труды: карты с геологическим строением района, расчеты, инженерные выкладки, схемы выработки металлов.

В сероватой дымке, стелившейся за рекой, проглядывали рудничные постройки, новые корпуса обогатительной фабрики... Жизнь замирала. Не дымили трубы, молчаливо стояли подъемники, а на стальных канатах сиротливо висели пустые вагонетки.

Моренец видел, как, сняв форменную фуражку с перекрещенными молотками, главный геолог еще долго и внимательно оглядывал все вокруг. Видимо, вспоминал свою жизнь на Кавказе: крутые обрывы, давно нехоженные турьи тропы, по которым неделями бродил в поисках редких металлов, звездные ночи, костры, возле которых можно было помечтать, набросив на плечи теплую бурку.

Вдали под самым небом маячила высокая гора Кургашилли. Туда не раз он ходил с Беталом Калмыковым, известным в стране партийным деятелем, первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома партии. Как-то глубокой осенью Бетал Калмыков поднял на склоне горы блестящий камушек и задумчиво произнес:

---

* Н. А. Хрущев — ныне доктор геолого-минералогических наук, главный специалист Министерства цветной металлургии СССР.

— Если б вы знали, Николай Александрович, как нам нужен металл.

А когда поиски редкого металла увенчались успехом, Бетал Калмыков помог Хрущеву встретиться с Серго Орджоникидзе, отдыхавшим тогда в Кисловодске. Разве можно забыть ту встречу, разговор с товарищем Серго и его теплые слова: «Не беспокойтесь, Николай Александрович, все поставим на ноги, а комбинат построим».

— Папа! Папа! — с неподдельной грустью воскликнул Миша. — Почему ты с нами не едешь?

Николай Александрович встрепенулся. Слова сына вернули его к действительности. Он с нежностью посмотрел на Мишу, сидевшего с матерью на большом узле, на его сдвинутую набок шерстяную шапочку и тихо сказал:

— Так надо, сыночек. — Хрущев приблизился к борту машины. — Не волнуйся, Мишенька, скоро и я поеду.

— Когда, папочка?

— Со следующей партией.

Главный геолог судорожно пытался проглотить подступивший к горлу комок.

— Береги детей! — только успел вымолвить.

Шофер резко просигналил, и перегруженная полуторка, набирая скорость, скрылась за поворотом ущелья. Двинулись и другие машины, отправляемые Моренцом. Их было много: часть военных, но большинство рудничных. В одних — раненые бойцы, не успевшие эвакуироваться с госпиталем, женщины с грудными детьми, школьники, престарелые шахтеры, в других — штабелями лежали матерчатые мешочки с концентратами. Дальше в горы их должны были нести альпинисты и те, кому силы позволят тащить на себе хотя бы небольшой груз.

За машинами в облаках пыли тянулись и тянулись

подводы с людьми... По обочине дороги шли забойщики, откатчики, крановщики, рабочие самых различных профессий. Еще вчера они спускались в шахты, добывали в штольнях руду, а сегодня, оставив обжитые места, уходили вверх по ущелью, подальше от фашистов.

Набежавшие было тучи расползлись, и снова выглянуло солнце. Островерхие вершины, проглядывавшие из бокового ущелья, штопорами врезались в бесконечную синь.

«Так это и есть грозные башни Тютю-Су?» — Моренец вспомнил, как на сборах в Тырныаузе Юрий Однублюдов и Александр Сидоренко рассказывали о них.

Как-то перед самой войной, в разгар альпинистского сезона, днепропетровцы из спортивного общества «Сталь» четверо суток поднимались по гладкой стене. Кругом сплошной камень отвесов, на крутизне которых не держался снег и даже орлы не вили гнезд... Один вид стены отбивал желание взобраться наверх. Но Саша Зюзин и его друзья были настоящие альпинисты, смелые, отважные. И на пятые сутки Тютю-Баши сдалась. Над ее башнями заалел победный вымпел украинских альпинистов...

Тяжело было машинам. Моторы урчали и, как люди на большой высоте, задыхались без кислорода. А дорога то снова взлетала вверх, то круто неслась вниз, то поворот один страшнее другого, то отвесные террасы, где машины висели чуть ли не над самой рекой. Шоферы, проезжая опасные места, включали фары.

Вскоре перебрались на другой берег. Повеяло пронизывающей сыростью. А когда ущелье совсем сузилось, то между стенами скал проглянула лишь тоненькая полоска неба.

Только на полпути к селению Верхний Баксан ущелье снова раздвинулось и как-то сразу наполнилось ярким солнечным светом и теплом. Ожила природа во-

круг. На плоских горных верхушках, террасах, то тут, то там маячили густые кустарники с пунцовыми ягодами и ярко-красными цветами. Чаще попадались ольха, рябина и целые поселения ирисов с бархатистыми венчиками. По сторонам пестрели живописные полянки. Песчаные отмели чередовались с каменистыми берегами, у которых резвились белогрудые птички-аляпки, а по обочине дороги, словно на параде, выстроились столбиками жирные суслики и по-милицейски свистели вслед уходящим машинам...

Неожиданно колонна остановилась. Слева надвигалось ущелье Адыр-Су, в котором, образуя каскады пенящейся воды, неслась словно бешеная речушка того же, что и ущелье, названия.

Вдоль берега шел среднего роста человек в роговых очках, с большим рюкзаком за плечами.

— Так это Алеша! — без труда узнал Малеинова Моренец. — Видимо, получил нашу радиодепешу о назначении в группу Одноблюдова и спешит нам навстречу...

В ущелье Адыр-Су было несколько высокогорных лагерей: «Молния», «Сталь», «Азот». В одном из них, в лагере химиков, Малеинов ведал учебной частью. Именно со снежных перевалов этого сурового ущелья Малеинову и пришлось осваивать «белые пятна» — непокоренные вершины. Их тогда в районе было немало.

Рыжеволосый, с добрым, умным лицом, Алексей Александрович, которого альпинисты чаще всего называли Алешей, был не просто инженером, но мастером на все руки. А руки у Алеши были золотые — с широкими, натруженными ладонями, везучие, трудолюбивые. Он все умел. Когда нужно, заменял в лагере не только инструктора или лектора, но и электрика, дизелиста, слесаря. Если требовалось установить движок на новой электростанции, он и это делал. На столе рядом с кар-

тами, кроками, методической литературой у него всегда лежал большой, словно простыня, лист ватмана, карандаши, рейсшина, циркуль, рейсфедер. Он, как и его младший брат Андрей, хорошо рисовал, чертил, делал эскизы всевозможных спортивных сооружений. А когда его спрашивали: «Для чего ты рисуешь, чертишь?» — Алеша смущенно поправлял на переносице очки.

— Для чего? — говорил он, на минуту прикрыв ладонью свои эскизы. — Для будущего...

Алеша был и большим мечтателем. В его голове рождались дерзкие планы создания благоустроенных спортивных баз в горах, его воображению рисовались изумительные по красоте горные приюты, отели над облаками, подвесные дороги, высокогорные катки, слаломные трассы. Прошли годы. И многие его мечты сбылись...

Алеша Малеинов всегда тянулся к творчеству. Он интересовался искусством, архитектурой, метеорологией, солнечными электростанциями, но больше всего его увлекали горы. Он был одним из первых покорителей пятитысячников Кавказа. В 1933 году в Центральной части Главного Кавказского хребта он первым взошел на одну из сложнейших вершин этого района — на Каштан-Тау, по крутому боковому гребню — северному ребру. Алексей мастерски владел лыжами и не раз совершал головокружительные спуски со снежных склонов Эльбруса.

Малеинова хорошо знали и в Тырныаузе, где он нередко бывал по служебным делам, выступал с увлекательными рассказами о своих восхождениях... Когда Малеинов, спустившись вниз по ущелью, подошел к развилке Баксана и Адыр-Су, его сразу обступили тырныаузцы. Подошел к нему и старый крепильщик в полинявшем на солнце плаще.

— В чем дело, Алексей Александрович? — спросил

он. — Не скажете, почему передние машины остановились?

Малеинов узнал Михаила Афанасьевича, того самого шахтера из Тырныауза, который два летних месяца плотничал у него — строил склады под снаряжение и летнюю баню для альпинистов.

— Видите, — показал Алексей штычком ледоруба на крутой склон, где у самого подножия жались друг к другу несколько разваленных домиков балкарцев, — сель прошел...

Последние дни стояли дождливые. Набухшее от талых вод моренное озеро переполнилось, вышло из берегов. И тогда с гор в долину Баксана хлынул почти метровый вал воды, песка, щебня и обломков горных пород. Все это вынесло на дорогу.

— Могло быть и хуже, — продолжал Малеинов. — Вот перед самой войной был сель. Сорвавшийся с крутых склонов Сулукола грязекаменный поток обрушился в наше ущелье Адыр-Су, кроша на пути уступы скал, ломая вековые деревья, сметая на своем пути лагерные постройки, разрушая мосты. Сель прошел ночью, к счастью, дело обошлось без человеческих жертв, так как альпинисты успели вовремя покинуть палатки и выбраться на безопасные склоны...

Тем временем расчистка дороги шла полным ходом. Трудились все, даже женщины и дети. Только учетчик с рудника, угрюмый, с тяжелыми плечами и длинными, словно у гориллы, руками, сидел на заплесневевшем пне, поглядывая на шофера, возившегося у заднего моста полуторки, и досаждал ему жалобами:

— Завел бы машину и махнул назад.

— Куда назад — к фрицам?

Учетчик замолчал. И, сверкнув глазами, тут же затерялся между людьми.

— Ну и тип, — сплюнул шофер.

10 августа первые беженцы стали прибывать в Тегенекли. Это был последний населенный пункт на пути к перевалу. Дальше дороги не было, в горы вели лишь крутые каменистые тропы.

Не прошло и часа, как пустовавшая с начала войны туристская база ожила... Белели палатки, на веревках сушилось белье, играли на лужайках дети, дымились костры, в огромных чугунных котлах варилась шурпа — суп с бараниной. Но за внешним спокойствием людей чувствовалась озабоченность и тревога. Что-то их ждет впереди? Какова дорога?.. Есть ли вообще путь на перевал? Как быть с детьми? А что, если лавина?..

Подошел чуть сгорбленный старичок с тяжелой котомкой за плечами.

— Молодой человек! Не можете ли вы сказать, как быть с одышкой?

Его усталые глаза с надеждой смотрели на рослого, красивого альпиниста с ледорубом в руках.

Моренец опытный спортсмен. Туризмом увлекался еще в школьные годы. Ходил в походы. Вдоль и поперек исколесил Сумщину, Полтавщину, бывал под Самарой, на Днепропетровщине, ездил в Крым. Одним словом, понимал толк в походах и любил их. И в то же время хорошо знал: для каждого, даже небольшого, перехода необходима тренировка, акклиматизация и, конечно, здоровое сердце. Что же должен посоветовать он старику пенсионеру? Сказать, чтобы возвращался домой? Что человеку с больным сердцем в горах не место?..

— А вы не волнуйтесь, Пантелей Харитонович, — подбадривающе улыбнулся ему Моренец и тут же добавил: — Со временем все уладится, и даже одышка пройдет.

На другом конце палаточного городка стоял, прислонившись к толстой сосне, Однoблюдов. Сделав ка-

кие-то пометки в блокноте, он быстро сунул его в карман и стал кого-то высматривать. Подошел Кухтин, прибывший ночью с эльбрусской метеостанции. В руках у Кухтина фанерный щит с фотографиями и на половину стертой схемой перевального маршрута. Все это он принес из методкабинета турбазы.

— А где Саша с образцами снаряжения? — подняв с земли березовую палочку, которая должна служить ему указкой, спросил Кухтина Одноблюдов.

— Идет.

Вот и Саша Сидоренко с огромным рюкзаком в руках. Подойдя к Одноблюдову, он вывалил на траву все, что было в рюкзаке: веревки, ледовые крючья, карабины, палатку и десятизубные кошки для хождения по ледникам.

— Кошки! — услышав знакомое слово, удивленно воскликнула сероглазая девочка с короткой косичкой и застенчиво спросила: — А где же котята, дядя альпинист?

Собравшиеся вокруг альпинистов люди засмеялись, вместе со всеми смеялся и Одноблюдов. Но тут же лицо его стало серьезным, и он не спеша, взвешивая каждое слово, растолковывал, зачем нужно то или другое снаряжение, как с ним обращаться, подробно рассказывал о правилах хождения в горах.

— Правила правилами, — набросив на плечи серый платок, сказала худощавая женщина в очках. — А как нам быть, если не хватит горных ботинок и ледоколов? Кажется, так вы их называете?

— С горными ботинками и ледорубами? — нагнувшись, переспросил Одноблюдов. Румянец горел на его щеках, на лбу выступал пот. Юрий Васильевич знал, как туго со снаряжением, особенно с горной обувью... Промолчать? Уйти от вопроса?.. Выпрямившись, он вышел на середину лужайки и в полной тишине сказал:

— Кому не хватит ледорубов, возьмут альпенштоки, самые простые деревянные палки с заостренными концами. Вместо горных ботинок в переходе сгодятся резиновые сапоги, лыжные ботинки, на худой конец — боты, сапожки и даже валенки...

Сделав короткую паузу, Однoблюдов обвел взглядом людей и снова заговорил так, чтобы каждое слово звучало веско:

— Напоминаю: переход будет не из легких. Требуется спокойствие, порядок и безусловное подчинение инструкторам. Идти будем медленно, со всеми предосторожностями.

Но вопросам не было конца.

— Юрий Васильевич, — подала голос девушка, студентка из Харькова, — а как быть с нашими узлами?

— В поход брать только самое необходимое: свитер, шерстяные носки, белье, головной убор.

— Зонтик тоже брать? — среди общего говора раздался детский голос. — Посмотрите, дяденька, как погода хмурится. — И стриженая девочка показала на серое небо. Потом она вдруг скривилась и едва слышно, сквозь слезы, спросила: — А волки есть на перевале?

Что-то надорвалось внутри. Юрий нагнулся и нежно, по-отцовски, обнял худенькую девочку.

— Откуда там волки. Альпийские галки и те, доченька, не частые гости...

Из-за палатки вышла Мина Фадеевна с Таней на руках. Однoблюдов сразу приметил осунувшееся лицо жены, синеву под глазами и уставшую дочурку. Тане только год минул... А какие ждут испытания... Снежный перевал... Разреженный воздух. Выдержит ли малютка?.. Он чувствовал, как что-то горячее подступило к самому горлу. Такое с ним, старым «горным волком», было впервые.

— Что случилось? — спросил Одноблюдов жену. — Почему ты здесь? С Танюшкой плохо, температурит?..

Мину и саму лихорадило, видно, простудилась. Волновать мужа?.. Она вздохнула:

— Понимаешь, Гриша пришел, коров пригнал, ждет тебя на спасалке.

Смуглый, крепко сбитый паренек, с мягкой, немного застенчивой улыбкой, он был таким, каких, наверное, на свете немало: в голове вроде девчонки, футбол да кино. Но как только Гриша попадал в горы, в лагерь к альпинистам, он сразу становился серьезным, взрослым, ко многому присматривался, прислушивался. Гриша Двалишвили после школы стал токарничать в механических мастерских комбината. Отец его Валериан Иванович был известным на Кавказе шеф-поваром. Много лет работал на лучших турбазах в системе «Интуриста». Летом с отцом часто бывал в горах и Гриша. В горах он и познакомился с Одноблюдовым и Сидоренко.

Грише очень хотелось стать похожим на альпинистов, и однажды он упросил Одноблюдова взять его с собой в горы. С тех пор Юрий Васильевич начал с ним заниматься на скалах и леднике. Гриша сразу показал себя способным учеником, смелым и напористым. Когда в ущелье Адыр-Су проводились показательные выступления горноспасательных команд, Гриша всюду увязывался за Одноблюдовым, помогал ему нести снаряжение, таскал тяжелые рюкзаки, а когда по ходу выступления требовалось показать, как нужно спасать попавшего в беду товарища, он с радостью вызывался быть «потерпевшим» и действительно мужественно терпел, пока его тащили на канате волоком по острым скалам.

— Хороший паренек, — не раз хвалили его между собой Одноблюдов и Сидоренко.

Гриша радовался, услышав похвалу своих тренеров,

но полное счастье наступило лишь тогда, когда как-то перед ужином Юрий Васильевич сказал:

— Собирайся, Гриша, пойдем с альпинистами на Гумачи, ты ведь знаешь, многие альпинисты начинали с той вершины путь в большой спорт.

Однoблюдов еще издали заметил Гришу, сидевшего на крылечке спасательной.

— Каким тебя ветром занесло сюда?

— Военным. Из Тырныауза пригнал коров.

— Значит, с мясом будем, — кивнул довольный начальник спасательной и присел рядом с Гришей. — Вижу, ты стал совсем большим. Наверное, и не замечаешь, как здорово вырос за эти годы? Плечи-то у тебя какие! Вот какой богатырь! Наверно, уже и за семнадцать перевалило?

Грише было чуть меньше, но признаваться в этом ему не позволяла гордость. Он опустил глаза и принялся штычком альпенштока вычерчивать на песке замысловатые узоры.

— А мне говорили, что ты заболел. В Гунделене схватил воспаление легких.

— Что вы, Юрий Васильевич, — засмеялся Гриша и выпустил из рук конец альпенштока. — Какое воспаление. Я вполне здоров.

— Раз здоров, тогда как ты смотришь, Гриша, если возьмем тебя в нашу альпинистскую команду?

— Вы еще спрашиваете! — выпалил Гриша, и его открытое лицо засветилось радостью.

В ущелье совсем стемнело. Наступила еще одна тревожная ночь. В переполненном домике горноспасательной станции при тусклом свете коптилки собрались альпинисты и те, кто будет им помогать в ледовом переходе. В небольшой Юриной комнатушке было душно,

жарко, накурено. Дым стоял столбом, а в жестяной крышке от консервированного компота, заменявшей пепельницу, росла гора окурков.

— Рассаживайтесь поудобней, товарищи! — предложил Юрий. — Хотя и тесновато, но что поделаешь. — Он отодвинул мешавшую ему табуретку. Нагнувшись над столом, где рядом с пепельницей лежала туристская карта Центрального Кавказа, стал разглядывать подкрашенные Малеиновым жирные стрелки и различные кружочки.

— Надо ли распространяться, — растягивая слова, взволнованно начал Одноблюдов, — обстановка и без моих комментариев чрезвычайно сложна. Фашистские егеря генерала Конрада уже в излучине Кубани, в Домбайской поляне, на Клухорском перевале и даже на Марухе.

— Не только на Марухе, — перебил Одноблюдова Малеинов, — но и на перевалах Басса и Чипер-Азау, и двигаются к Старому Кругозору. Это и Виктор подтвердить может.

Кухтин придвинул к себе стоявший у края стола кувшин с водой и, чуть заикаясь, сказал:

— Не двигаются, дорогой Алексей Александрович, а уже заняли Старый Кругозор, подходят к ледовой базе.

У Виктора лицо широкое, смуглое, серые глаза смотрят внимательно. Коренастый, крепко сбитый радист с метеостанции на склонах Эльбруса, Виктор совсем недавно оттуда и хорошо знал обстановку в горах.

— Если фашисты на Эльбрусе, то не сегодня-завтра их можно ждать и у нас в Баксане, — скрутив цигарку, с тревогой прокомментировал поправку Кухтина начальник перехода. — Поэтому с выходом нельзя медлить ни одного часа.

— Но, прежде чем говорить о выходе, — поднялся

с места Сидоренко, — надо твердо решить, куда нам идти: на Донгуз или на Бечо?

Одноблюдов взял со стола туристскую карту с пометками Малеинова и пробежал ее глазами.

— Конечно, надо идти через Бечо! — убежденно сказал он и тут же стал пояснять преимущества маршрута.

Поправив сползшую на лоб прядь волос, Кухтин наклонился к Одноблюдову и тронул его за плечо:

— А я думал, Юрий Васильевич, мы пойдем на Донгуз. Как ни говори, а подъем к Донгузу положе и легче.

— Положе-то положе, да если ты хочешь знать, Витя, и сам перевал пониже Бечо метров на сто пятьдесят, но тем не менее я все-таки за Бечо.

— Почему?

— Видишь ли, подходы к Бечо куда ближе к лагерю, там намного безопасней с точки зрения встречи с врагом.

— Что ж, я согласен.

— Еще будут какие мнения? — допытывался начальник перехода.

— Вопрос ясен, Юрий Васильевич, — сказал Малеинов и по привычке поправил очки.

— Значит, решили: ведем людей самым коротким путем — через Бечо.

— Один вопрос, — поднялся с места молодой инженер из управления комбината. — Как поведем народ: общей колонной или отдельными группами?

— Конечно же, товарищ Баранов, отдельными группами: по сто — сто двадцать человек в каждой. Поровну — сильные, слабые, дети. В каждой группе будут коммунисты, комсомольцы и руководящие работники комбината, выделенные нам в помощь. Я имею в виду товарищей Проценко, Безладнова, Евлапова, Гудима и других. Что касается порядка движения — первую

группу поведу я с Кухтиным, вторую — Малеинов с Двалишвили, замыкать придется тебе, Сидоренко, вместе с Моренцом... Переводим одну группу, потом возвращаемся за другой. И так пока всех не перетащим...

В горном лагере были разные люди: старики, женщины, больные и даже инвалиды на протезах. Хотя они и могли самостоятельно передвигаться, но беспокойство за них ни на минуту не оставляло альпинистов.

— А если кто-нибудь заболеет или оступится в горах, тогда как? — поделился своей тревогой с начальником перехода Малеинов.

— Пустим в ход самодельные носилки.

Носилки были самые примитивные. Палки-жерди длиной метра по четыре. К ним приладили самодельные санки-носилки. В случае необходимости их можно было пристроить к седлам ишаков. Так и можно будет транспортировать больных.

Поздно ночью альпинисты разошлись по своим отрядам и группам. Луна давно скрылась за тучами, и, словно гигантские призраки, недвижимо стояли причудливые скалы. Впереди были полные опасностей дни перехода...

ТАМ, ГДЕ ТЕЧЕТ ЮСЕНЬГИ

В ущелье темно. Солнце еще не видно, но бледноватый отблеск его медленно разливается по небу.

— Гриша, пора вставать, — поеживается от холода Моренец.

— Разве уже четыре? — высовываясь из палатки, спрашивает Гриша Двалишвили.

— Конечно. Сейчас будет подъем.

В этот момент прозвучал сигнал.

Будить людей не пришлось. В ту тревожную ночь почти никто не сомкнул глаз. Горели костры. Матери готовили еду в далекую дорогу. Мужчины собирали скромные пожитки тех, кому трудно передвигаться, и, как умели, вьючили ишаков...

Чтобы было светлее, шоферы заводили моторы и включали фары... Так и стояли машины с включенными фарами, пока люди собирались в дорогу.

Трудно в дороге с детьми. Только маленьких, до шести лет, было около двухсот. Малыши сидели у взрослых на руках, на плечах, некоторые «путешествовали» в рюкзаках, других родители привязывали к себе полотенцем или простыней, а про запас каждому ребенку вешали на грудь узелок с едой. Так и шли.

Первую группу в колонне вел Одноблюдов. Чувствуя за спиной прерывистое дыхание, начальник перехода понимал: нужно идти не спеша, так как путь впе-

реди предстоял длинный и трудный, а люди не подготовлены к горным переходам. Однблюдов за эти двое суток спал от силы три часа, но, как ни странно, чувствовал себя сравнительно бодро. Видимо, большая ответственность за людей придавала ему силы. За спиной у Юрия был увесистый рюкзак с веревками, крючьями, теплыми вещами для жены и ребенка и еще плащ-палатка. Чтобы не создавать излишней нервозности, семью передал на попечение Моренца. Одноблюдову так казалось удобней.

Светало. В тени ущелья зарождалась дымчатая синева. Она светлела, поднималась ввысь и превращалась в пронизанную солнцем зябкую голубизну неба. Сквозь ветки сосен и елей уже просматривались бело-матовые контуры снежных вершин, а внизу, в чащобе леса, солнечные блики, словно дразнясь и играя, перебегали зайчиками по нескончаемой цепочке людей, покидавших турбазы.

Следом за группой Одноблюдова вышли еще две группы. Их провожали те, кто оставался ждать своей очереди. В хвосте колонны находился Николай Моренец. Широкоплечий, вихрастый, в пестрой ковбойке, обвешанный ремнями, флягами и другими походными доспехами, в раздумье стоял он на пригорке, слегка опершись на ледоруб.

Движется пестрая цепочка людей. Идут кто в чем. Вот невысокая молодая женщина в коричневой стеганке, как-то странно перепоясанная не то бельевой веревкой, не то шнуром. Это машинистка из управления комбината. Дышит тяжело, часто останавливается. У нее больные легкие... Сгорбившись, бредет сухощавый старик с черноглазой девочкой, внучкой Женей. В Нальчике во время бомбежки погибли ее родители. Поэтому особенно дорога она старику. Он не отпускает ее ни на шаг.

Вот проходит девушка в грубошерстной кофте, тонкая, с глубокими, не по летам, морщинками под глазами. Идет медленно, словно слепая, никого не видит перед собой.

Моренцу показалось ее лицо знакомым, но он не сразу признал в ней Варю Ткаченко, молчаливую, угрюмую девушку, работавшую уборщицей в той же школе в Тырныаузе. Он слышал о ее тяжелой судьбе от старого учителя, соседа девушки. Однажды, возвращаясь с педсовета, учитель разговорился с Моренцом и рассказал о ней.

Родом с Черниговщины, после смерти родных Варя переехала с мужем и дочкой в Кабарду, на родину мужа, а через месяц — война. Мужа забрали в армию, а у Вари вскоре родилась вторая дочь. Когда началось наступление фашистов на Северный Кавказ, Варя отправила детей с матерью мужа в верховье речки Черек, в селение Бабуген, и с тех пор не получала никаких вестей ни о муже, ни о детях. Ко всему же простудилась. Больной и ушла с Тырныауза...

— Борис Иванович, — окликнул Моренец геолога Митрофанова, шедшего следом за Варей. — Присматривайте, пожалуйста, за ней...

Геолог и так присматривал за Варей, хотя шел не один. С ним была Таня, старшая в семье девочка лет восьми-девяти. Держась за подол бабушкиной юбки и стараясь не отставать, семенила младшая — Люся, а самая маленькая — Наташа сидела у мамы на руках. Вскоре после выхода из турбазы тяжелая ветка ударила Наташу по лицу. Редкие зубки порозовели. Не то чтоб уж очень больно, но Наташенька почувствовала во рту солоноватый привкус крови. Уткнувшись в мамино плечо, она никак не могла успокоиться...

Вслед за семьей Митрофанова вышел из-за кустарников Кухтин в пестрой ковбойке, из-под распахнутого

ворота которой виднелась морская тельняшка. Он шел медленно, ведя за руку бледного мальчугана с удивительно желтыми волосами. Часто наклоняясь к нему, он говорил: «Гляди, Боря...»

Борька смотрел во все глаза, видел и слышал совсем не то, что объяснял и показывал ему инструктор. То он прислушивался, как монотонно стучит неутомимый дятел, то настороженно ловил чье-то пронзительное «чью-ви! чью-ви!»...

Вдруг Боря вскочил на пенек и громко закричал:

— Дядя Витя! Смотрите!

Увидев на сучке под самой верхушкой сосны белку со вздернутым кверху пушистым хвостиком, Боря страшно обрадовался.

— А можно залезть на сосну?

— Ты что, сорваться хочешь...

Но зверек в этот момент перепрыгнул на другую ветку и исчез.

Когда подъем становился круче и замедлялось движение колонны, чтобы отвлечь ребят, да и взрослых от мыслей о крутизне, от усталости, Виктор что-нибудь придумывал. То он рассказывал какую-нибудь забавную историю, приключившуюся с ним на Эльбрусе, то вдруг подымал руку, держа в ней сорванный цветок.

— Что за цветок? — гремел его голос.

Те, кто слышал, поднимали голову. Красивые синие звездочки были ясно видны, но ответа не следовало.

— Так что за цветок? — вновь кричал Кухтин, еще выше поднимая пучок синих звездочек.

— Васильки.

— Нет.

— Хохлатка.

— Тоже нет.

— Горечавка.

— Кто сказал горечавка?

Чуть в сторону вышел мальчишка лет двенадцати и поднял альпеншток.

— Молодец, Паша! — похвалил его Кухтин. — У меня в руках действительно самые обыкновенные альпийские горечавки.

В пути Виктор придумывал и другие забавы. Он хорошо разбирался не только в альпийских цветах, но и в живом мире гор. Заметив в пути или на привале любое насекомое или животное, он стремился рассказать о нем что-нибудь интересное.

— Вот ты, Степа, — спросил он идущего впереди него ученика-шестиклассника, — знаешь, сколько у мухи глаз?

— Два, — бойко ответил мальчик.

— А вот и нет, — сказал Виктор. — Пять: три простых круглых на лбу и два больших по бокам.

Когда на привале тот же Степка поймал стрекозу, Виктор не преминул громко спросить его:

— С какой скоростью может летать стрекоза?

— Десять километров в час, — ответил Степа.

— Сколько?

— От силы тридцать, — поправился Степа.

— Не десять и не тридцать, а сто тридцать и даже сто сорок километров в час, — уточнил Кухтин.

Начитанный, любознательный и немного мечтательный — таким был Виктор. С детства пристрастился он к природе и к путешествиям. Сначала в его руках был самый обыкновенный ученический глобус. По глобусу было легко перебираться из Европы в Азию, плавать из одного моря в другое. Когда Виктору исполнилось десять лет, он с отцом отправился в дальнее путешествие... к Черному морю.

Закончив школу, он увлекся моделями детекторных приемников, освоил радиосвязь. Тогда его потянуло к морю. Потом, уже радистом, Виктор плавал на торго-

вых судах Черноморского пароходства. Был в Босфоре, плавал по Средиземному морю, возле берегов Мадагаскара, заходил в Варну и другие порты. А когда прослышал про горные зимовки, распрощался с флотом и устроился зимовщиком-радистом на Эльбрусе. Там и застала его война.

Моренец задумчиво смотрел вслед Кухтину, уходившему вверх с мальчиком, как вдруг до него донеслась знакомая печальная мелодия: «Солнце низенько, вечер близенько...»

«Откуда здесь эта песня?» Моренец прислушался... По тропинке шел молодой кабардинец, в широкой каракулевой шапке, худощавый, быстрый. Он вел навьюченного осла. Рядом с юношей шла загорелая девушка лет двадцати и пела. Вскоре они скрылись за поворотом тропинки. Песня удалялась, а Коля стоял по-прежнему неподвижно и слушал, слушал... Глаза его были полны слез. То ведь была его родная песня, с Украины, где он родился и вырос.

Снова ожил лес. Слышны крики погонщиков, детский плач. Это пробирается сквозь густые заросли кустарника группа Малеинова и Двалишвили. В ней, как и в других группах, люди различного возраста, национальности.

Вот идет молчаливый осетин Сагид Такеев из конструкторского бюро комбината. Тяжелый рюкзак прижимает его к земле. Рубашка мокрая. Пот заливает глаза. За ним — худощавая татарка с добрым и открытым лицом, работница комбината Аминя Арустамова с годовалой дочуркой Розой на руках.

Из ложбины вышли жены шахтеров, ушедших на фронт. Софья Ивановна Елкина с тремя малолетними детьми и Евдокия Ивановна Лысенко с двумя похожими друг на друга мальчиками.

— Ну и как вы управляетесь, Евдокия Ивановна?—

разглядывая шумных мальчишек, как бы невзначай спрашивает Малеинов.

— Управляюсь, — уклончиво отвечает Евдокия Ивановна. — Мальчишки хорошие, послушные.

— Значит, и чувствуют они себя превосходно?

— Они да, а я вот, правду говоря, чувствую себя неважно. Голова побаливает, в ушах шумит. Только не пойму отчего: от возраста или высоты?

— Скорей от высоты...

Особенно много в колонне эвакуированных украинцев. С девушками-студентками из Днепропетровска их земляк, молодой круглолицый инженер комбината Михаил Проценко. Порывистый, ловкий, энергичный, словно пружина в нем заложена, он всюду успевает: то поправит идущим с ним женщинам вещмешки, то вовремя поможет старушке, то расскажет забавную шутку-прибаутку детям, а то даже подразнит щенка — юркого Колобка, который словно на привязи, неотступно бежал за Михаилом, смешно виляя коротким хвостиком.

С бывшим миргородским рабочим, ставшим в Тырныаузе начальником смены канатной дороги Федором Пащевским, идет семья Гудима. Впереди Григорий Федорович Гудим — плотный, чуть грузноватый, в запыленных сапогах и брюках навыпуск. С ним жена Екатерина Николаевна, красивая, совсем еще молодая женщина в красной косынке и непоседливая девчушка с челкой на лбу — восьмилетняя Карина, которая так и норовит подойти к обрыву, чтобы посмотреть, как ошалело прыгает по камням свирепый Баксан, как бьет он волной о прибрежную гальку.

— Узнаете, Григорий Федорович? — крикнул с пригорка Моренец.

— А, земляк! — торопливо вытирая потное, разгоряченное лицо, улыбнулся Гудим.

Познакомились они в управлении комбината, где

Гудим работал инженером отдела капитального строительства. Узнав, что Коля родом из Сум, Гудим сразу проникся симпатией к земляку и предложил, если понадобится, свою помощь.

Подошли люди из третьей группы. Их вел Александр Сидоренко, работник студии «Мосфильм». В 1930 году по комсомольской путевке Саша попал на Днепрострой.

Друзья уговорили его вместе с ними принять участие в массовых сценах фильма о строителях Днепрогэса. Снимал фильм Александр Довженко. Узнав, что Александру Петровичу срочно требуется электрик-осветитель, Саша, как только кончал смену, бежал помогать съемочной группе устанавливать свет.

Старательность верткого монтера не осталась незамеченной. Однажды, прогуливаясь на берегу порожистого Днепра с Петром Масохой, игравшим заглавную роль в фильме «Иван», Довженко окликнул Сашу, возвращавшегося с субботника:

— Ну так что, казак, пойдешь ко мне осветителем?

Это и определило дальнейшую судьбу Александра Сидоренко...

В середине колонны, часто останавливаясь, шла в зеленой куртке и лыжных брюках Софья Ивановна, Сашина мать, — женщина лет пятидесяти, на вид крепкая, здоровая, но с запущенным пороком сердца.

Саша возвращался вниз, чтобы осмотреть колонну. Увидев мать, тепло улыбнулся:

— Ну как, мама, помогла коза?

— Еще и как, сынок...

У ущелья Адыр-Су, на базе альпинистского лагеря Малеинова проходили высокогорную подготовку партизаны и разведчики перед их заброской в тыл врага. За успешное проведение этих сборов Сидоренко премировали штормовым костюмом. А когда к нему в горы

приехала больная мать с внучкой, Саша выменял у местных балкарцев костюм на козу. «Вот, — думал он, — будет молочко». Коза попалась с характером. Кому-кому, а матери от нее доставалось. За день она, бывало, так намается, что едва ходит. Но, как говорят, нет худа без добра. Ноги, конечно, болели, зато с сердцем стало заметно лучше. И вот теперь, когда дороги из ущелья перекрыты фашистами и станицу Пролетарскую тоже захватили немцы, Софье Ивановне пришлось уходить с сыном и внучкой через перевал. Шла она вверх вопреки больному сердцу хорошо и чем дальше — тем увереннее.

С Софьей Ивановной шла внучка, не по летам рослая и бойкая девчонка лет семи. Как и все дети, Эля любила птиц. Ей нравились синички, щеглы, альпийские галки, которых она не раз кормила хлебом, орехами и даже конфетами. Боялась Эля лишь одной птицы — филина, хотя ни разу в жизни и не видела его.

В альпинистском лагере, где Эля жила с бабушкой и дядей Сашей, часто по ночам был слышен дикий хохот. Это кричал филин, черт лесной.

— А ты, между прочим, знаешь, как филин охотится на мышей? — спрашивал девочку Саша.

Эля молчала. Темные глаза ее расширялись от удивления.

— А вот так... Покричит он в одном месте — мыши врассыпную, он в другое место, и там покричит, а сам летит назад. Хитрый, быстрый он, Эллочка. А видит-то как — ни одна мышь не минет его цепких когтей...

Вьется вверх по ущелью извилистая тропка. А по ней бесконечным потоком тянутся усталые люди, ведут детей, несут свои скромные пожитки, спешат, останавливаются, временами поглядывают на глухо ревущую под обрывом реку, и идут дальше. Замыкают шествие Николай Моренец и семья Однoблюдова.

Мина Федоровна, жена Одноблюдова, шла в спортивных брюках, теплом свитере, загорелая, словно лыжница, только что спустившаяся со склонов. Ретушер по специальности, Мина познакомилась со своим будущим мужем в Москве. Тогда Юрий работал художником-мультипликатором на студии кинохроники. Это было в предвоенные годы. Каждое лето Юра свой отпуск проводил в горах, на Кавказе. Сначала инструктором, а затем начальником горноспасательной станции в Приэльбрусье. Мина начала ходить с мужем в горы, постепенно освоила премудрости горной подготовки и даже заслужила бело-голубой значок альпиниста.

На редкость выносливая, Мина несла дочурку Таню, которую часто в шутку называли Татьяной Георгиевич. Дело в том, что у балкарцев все имена на мужской лад, и в метрике, выданной Тане Эльбрусским загсом, ее записали «Татьяна Георгиевич».

Сейчас на плечах у мамы Таня (вчера еще она температурила и надсадно кашляла) чувствовала себя совсем неплохо. Смешно оттопырив нижнюю губу, она удивленно поглядывала по сторонам, улыбалась и как бы спрашивала: «Почему это мама катает меня сегодня?»

Утренняя роса давно сошла, но над рекой еще клубился легкий туман. У моста через Баксан мелькнул в лесу вымпел старейшего в стране альпинистского лагеря «Рот фронт». Остались позади согнувшиеся от ударов ветра и снежных лавин, высокие кавказские сосны, остролистые клены с белеющими среди них стволами берез.

Внизу клокотал и бесновался Баксан, ворочая камни и обломки деревьев, словно берега ему были тесны. С каждым поворотом тропы Баксан отступал все дальше и дальше, хотя приглушенный грохот еще долго отдавался в ушах.

Узкая тропа, прижавшаяся к откосу, круто уходившему вверх, свернула влево в ущелье реки Юсеньги. Сосновый лес сменился лиственным, а затем низкими зарослями барбариса, дикого крыжовника, смородины. Но особенно много было здесь малины и ароматной лесной земляники.

Выше по ущелью попадались заваленные камнями луговинки и гранитные скалы, сплошь покрытые растительностью. На скалах росли какие-то странные цветы с заостренными к концу листочками и налегающими один на другой, подобно черепице. Встречались и низенькие горечавки — ярко-синие цветы на коротких ножках, и серебристая альпийская полынь.

А идти было все труднее: тропинка становилась круче. В полдень стало совсем жарко. Больше всего страдали от жары дети. Приходилось часто останавливаться, чтобы хоть немного передохнуть, размять натертые лямками плечи, успокоить детей, утолить жажду.

Стоило появиться на пути ручейку, как дети уже бежали к нему и начинали черпать ладонями воду.

— Кто разрешил пить?! — слышались тогда голоса инструкторов. — Нельзя!

В ледниковой воде почти нет солей, жажду она совсем не утоляет. Но что до этого детям?.. Они требовали своего, плакали, капризничали.

Детей было жалко. Альпинисты подсыпали в алюминиевые кружки немного пищевой соли и давали по глотку воды...

Лес постепенно редел, уступая место травянистым склонам и почти отвесным глыбам разноцветных гранитов. Шли медленнее. Давал себя знать длинный подъем, груз за плечами и действие ультрафиолетовых лучей. Появилось и кислородное голодание: головокруже-

ние, тошнота, а у маленькой Розочки Арустамовой из носа пошла кровь.

Было далеко за полдень, когда склоны у каменных осыпей стали более пологими и вертлявая тропа, перебравшись через небольшой ручей, выбралась наконец на просторную поляну. Зеленая, красивая, она искрилась солнцем, пестрым убранством альпийских цветов: синими васильками, красными маками, сиреневыми колокольчиками и нарядными ромашками.

У причудливой груды камней извивался огромный борщевик, из-под которого выбивался зеркальный родничок. Такую живительную прохладу не часто встретишь в пути, особенно когда этот путь пролегает крутыми склонами под лучами нестерпимо припекающего солнца.

Это хорошо понимал и начальник перехода Однораблюдов. Быстро оценив обстановку, остановился, окинув взглядом усталых людей, скомандовал:

— Привал!

Вблизи Северного Приюта, где намечалась ночевка, леса не было. Нужно было позаботиться о дровах. Этим занялись альпинисты и их добровольные помощники — подростки.

Не прошло и двадцати минут, как на поляне выросли целые горы валежника, сушняка и древесной коры. Все это альпинисты распределили по колонне. Люди брали по охапке топлива, стягивали его бечевкой и прилаживали к мешкам, жердям, вязанками укладывали на спины ишаков. Вот и сигнал выступать.

— По рюкзакам! — прокатилась команда по ущелью.

И тут же раздался истерический крик:

— Оленька!..

Дети всегда дети, и едва взрослые объявили привал, непоседы, обрадовавшись, начали играть в прятки.

Бегала вместе со всеми и четырехлетняя девочка в синей кофточке с белыми снежинками.

Где же она?

...Оля спряталась за камнем, поросшим мхом и горным чабрецом. Здесь, решила она, ее никто не увидит. Присела. Вдруг в стороне раздался короткий и резкий свист. Девочка увидела красивую стройную серну с длинными откинутыми назад рогами. Животное сделало несколько больших прыжков и понеслось к скальным осыпям. Оля притаилась и не сводила с серны восторженных глаз.

Прошло несколько мгновений, и серна исчезла. Стало тихо. В густой траве снова что-то зашевелилось. Оля сперва не поняла, потом осторожно приблизилась и увидела маленькую козочку — рыженькую, с темной полоской на спине, которая попробовала подняться, но не смогла. Оля присмотрелась: у козочки были перебиты задние ножки. Видимо, спасаясь от пернатого хищника, грифа-стервятника, козочка сорвалась с отвесной скалы.

Козочка не двигалась и только большими влажными глазами испуганно смотрела на девочку. А Оля, обняв ее, нежно поглаживала...

Здесь и нашли девочку альпинисты. Обезумевшая от радости мать осыпала дочурку поцелуями, а та только всхлипывала и сквозь слезы приговаривала:

— Мамочка, милая, давай возьмем с собой бедного козлика. У него ножки не ходят...

Далеко позади осталась поляна и родник у борщевика. Окончился лес. Узкая тропа, пропетляв еще немного, затерялась в густой траве.

На солнце наползала туча, оставив не закрытым только краешек огненного диска. Было тихо. На гори-

зонте появилось черное пятнышко. Оно росло и приближалось.

— Не самолет ли, товарищ инструктор? — поравнявшись с Малеиновым, спросил старик плотник. — Только интересно: наш или фрицевский?

— По всему видно, немецкий разведчик — «рама»...

Самолет начал кружить над ущельем. Чтобы сбить с толку высокогорные посты противовоздушной обороны, летчик то включал, то выключал зажигание.

— Видать, неспроста кружит фашист! — не успокаивался старик. — Сейчас начнется карусель...

Фашисты были где-то близко — за селением Терскол. Нередко из-за боковых хребтов появлялся фашистский разведчик — «рама». Временами он исчезал, а затем прилетал с целой сворой стервятников бомбить дороги, перевалы...

И в этот раз «рама» покружилась над ущельем и, прячась в нависавших над ним тучах, вскоре исчезла за горизонтом. Но тревога не развеялась. Люди понизили голоса, еще больше насторожились...

Посвежело. Ветер подул вверх по ущелью. Это был явный признак ухудшения погоды. Вскоре солнце совсем скрылось. Сразу стало холодно. По плащ-палаткам и накидкам застучали первые капли дождя. Вокруг все изменилось, стало неприветливым, суровым. Тяжелые, свинцовые облака проплывали все ниже и ниже, спускаясь чуть ли не до самой земли.

Идти дальше небезопасно. Дождь усиливался. Сквозь ровный его шорох отчетливо слышалось, как хлюпала вода под ногами. Порой проглядывало солнце, освещало сетку дождя и снова зарывалось в лохмотья туч.

Только под вечер небо посветлело, тучи расползлись, и далеко над горами заиграла всеми цветами радуга. Однако травянистые склоны были влажными, а

значит, опасными, особенно усыпанные мелкими камнями: они не служили нужной опорой.

Хватаясь за выступающие камни, за пучки травы, осторожно поднималась по склону Вера Борисовна Кубаткина, держа за руку двухлетнюю дочурку. Следом шел ее муж, Василий Захарович, работник комбината. Он вел двоих других детей — семилетнюю Аллу и десятилетнего Леню. Лицо его обросло редкой бородой. Голова замотана полотенцем. Он оступился на подъеме. Алла, поскользнувшись, выпустила его руку, потеряла равновесие и упала. Шедшие за Кубаткиным женщины вскрикнули от ужаса и в замешательстве остановились... Если бы не Моренец, оказавшийся поблизости, девочка скатилась бы в реку.

Аллочка, зажмурив от испуга глаза, дрожала и плакала.

— Мама, мамочка, я домой хочу!...

— Что ты, доченька? Скоро солнышко выглянет и за выступом горы покажется домик. Может, там и зайчика словим. Хорошо?..

А когда девочка немного успокоилась, Василий Захарович спросил у Моренца:

— Далеко ли до Северного Приюта?

— Свернем влево, — ответил Николай, — и минут через сорок покажется пастуший кош, от которого ровно километр до Северного Приюта.

— А ваш километр, товарищ альпинист, какой будет: с гаком или без? — с грустной улыбкой спросил Кубаткин.

Моренец не сразу нашелся что ответить. Потом взглянул на Василия Захаровича и, чтобы разрядить напряженную обстановку, засмеялся:

— Честно говоря, отец, не мерил.

Реплика Кубаткина и ответ Моренца рассмешили всех, кто невольно слышал этот разговор. Даже идти

как-то сразу стало легче всем и даже Василию Захаровичу с его больной ногой.

2400 метров над уровнем моря...

Показался старый пастуший кош — из бревен и камней, с плоской крышей и растущей на ней травой. Но останавливаться нельзя, время не ждет. Надо спешить, чтобы до темноты попасть на ночевку в Приют. Пронизывающий ветер подгонял людей. Постепенно ущелье реки Юсеньги расширилось, а сама река разделилась на несколько рукавов.

И вот наконец...

— Мамочка, смотри — наш дом! — радостно закричала Аллочка.

В центре широкой поляны, у ручья, стоял знакомый альпинистам бревенчатый домик с антенной и флюгером. Это и был Северный Приют.

НА СЕВЕРНОМ ПРИЮТЕ

Высоко над Приютом громоздились горы. Справа — Когутай с короткими отрогами, слева — Юсеньги с крутыми уступами. Под самыми облаками — снежники и повисший между скалами взъерошенный ледник. А внизу — зеленая поляна.

Возле бревенчатого домика с нарами в два этажа, где разместились больные и женщины с грудными детьми, под навесами стояли походные кухни, доставленные в разобранном виде.

Людей было много, палаток не хватало. Вместо них использовали односкатные спортивные палатки, которые принесли с собой альпинисты и кое-кто из молодых шахтеров.

А вот где лучше выбрать место для ночлега? По этому поводу на Приюте ходило немало разговоров и шуток. Одни утверждали, что палатки следует ставить поближе к склону, другие — наоборот.

— Эй ты, сибирский цирюльник! — не без юмора окликнул бледнолицего паренька в теплом картузе начальник перехода. — Где ты мостишь? Разве не видно, что там старое русло ручья? Пойдет дождь, и не опомнишься, как забурлит вода.

Щеки Петруши, так звали молодого парикмахера-сибиряка, вспыхнули румянцем. Он едва слышно сказал:

— А я думал, так будет лучше.

— Тоже мне артист, — покачал головой Одноблюдов. Ему хотелось отчитать неумеху, но, увидев смущение паренька, только сказал:

— Слева видишь широкие уступы? Там и ставь палатку.

Юрий пошел к другим площадкам, где тоже копошились люди. Узнав темноволосого мужчину с фетровой шляпой в руке, он подошел к нему:

— Ну как самочувствие?

— Как будто ничего...

С Николаем Потоцким, литсотрудником газеты «Цветные металлы», Одноблюдов познакомился вечером, накануне эвакуации. Николая прикомандировали к нему связным, и молодой энергичный журналист сразу понравился ему. В Тегенекли, формируя первую партию, отправляемую через перевал, они познакомились поближе, и Юрий Васильевич решил назначить Потоцкого начальником Северного Приюта.

Потоцкий был моложе многих других участников похода, но и ему нелегко давался подъем. Согнувшись, Николай нес увесистый заплечный мешок с перкалевой скруткой, связкой карабинов и крючьев. Когда же кто-то из альпинистов предложил Потоцкому переложить часть снаряжения в рюкзаки товарищей, Николай решительно отказался:

— Что вы? Лучше разгрузите женщин.

Так и шел, обливаясь потом.

Кажется, никогда еще на поляне не было такого шума, такой суеты: люди спешили, перетаскивая свои пожитки, выбирая поудобней место для ночлега. Обстановка для большинства была непривычной и необычной. Часто сами того не замечая, люди бросали взор вверх, где под самым небом едва проглядывал снежный перевал...

— Ну и дорожка, сам черт голову сломит! — не удержался Потоцкий.

— А ты как думал? — подал голос Одноблюдов. — Это тебе не парковая аллея. И так просто туда не побежишь.

— Вижу, нелегко придется людям.

— А тебе особенно, — подчеркнул Одноблюдов.

— Почему же это?

— Почему? А ты смотри, сколько народу собралось, и все они твои. — Юрий замолчал, достал из кармана кисет, свернул цигарку и, прикурив от головешки, добавил: — Теперь ты хозяин Северного Приюта. Это только цветочки, ягодки впереди. Беженцы будут прибывать одни за другими, и всех надо устроить, дать возможность отдохнуть перед тем, как мы будем забирать их и партиями переводить через перевал. — Тебе, Николай, придется встречать людей и размещать их на Приюте.

— А как будет с продуктами, Юрий Васильевич?

— Подбросят снизу на ишаках. Только гляди, с умом расходуй. Сейчас время военное, народу много, а с доставкой трудно.

— Постараюсь...

День клонился к вечеру, а забот не убавлялось, хотя трудились все — от мала до велика. Особенно старались пионеры, школьники. Они расчищали площадки, покрывали их мелкими камнями и травой, носили воду из ручья, разводили костры, укладывали в палатки малышей.

А когда вихрастому Лене Кубаткину инструктор предложил оставить тяжеленный камень, который мальчишка тащил для палаточного городка, Леня насупился и с обидой мотнул головой:

— Ни за что.

— Ну ладно, — махнул рукой инструктор, — только бери полегче, не надорвись!

Круглая уморительная рожица Лени радостно сияла, хотя ему не так уж и легко было совладать с тяжелой ношей.

Продолжая обход лагеря, Одноблюдов увидел лежавшую на траве девочку. В ней трудно было узнать веселую Маринку, ту самую проказницу, которая поминутно сбегала с тропы и, обдирая до крови ноги, рвала колокольчики.

Положив руки под щеку, она неподвижно лежала, бледная, осунувшаяся. Ее светлые брови сдвинулись к переносице, а мягкие золотистые волосы спадали на горячий лоб.

— Что с тобой, Маринка? — поправляя сползшее с плеч одеяло, тревожно спросил Одноблюдов.

— Тошнит...

— И головка, наверное, болит?..

— Болит...

— Ничего, скоро станет легче, — сдерживая волнение, Юрий Васильевич погладил девочку по голове. — Горная болезнь быстро проходит. Только нужно привыкнуть к высоте.

А когда Маринка успокоилась, отошел в сторону и спросил растерянную мать:

— Почему больной ребенок на улице? Почему на ночлег не устраиваетесь?

Женщина растерянно молчала. Одноблюдов позвал к себе дежурного инструктора:

— Помогите Петровой устроиться в домике и побыстрее!

Трудно с маленькими детьми: им не до дисциплины и требований инструкторов. Многие из тех, кто уже устроился, так и не дождавшись ужина, засыпали. Дру-

гих, наоборот, нельзя было утихомирить. Дети капризничали, просили воды и плакали, если взрослые отходили от них.

...— Спи, доченька! — доносился шепот из одной палатки.

— Сказочку! — требовал капризный детский голосок.

Юрий прислушался.

— ...Встретилась птичка-пеструшка с серым козликом и говорит ему: «Ты хочешь водички попить?» И птичка рассказала бедному козлику, как до ручейка добраться, до того, который течет за нашей палаткой... Спи, доченька, спи, а утром встретим с тобой серого козлика...

Девочка заснула только тогда, когда устроилась так, чтобы видеть, как придет к ручейку серый козлик.

Постепенно все стихло. В густой траве за палаткой, где только-только прошуршала длиннохвостая ящерица, кто-то осторожно засвистел. Юрий Васильевич оглянулся и заприметил костлявого паренька без рубашки. Возле него стояла седая женщина и что-то шила. Услышав за спиной шаги, она повернулась. Одноблюдов узнал в ней мать рудничного геолога Митрофанова.

— Товарищ начальник, — нерешительно обратилась женщина и, не закончив фразы, умолкла.

— Чем могу быть полезен? Спрашивайте, не стесняйтесь.

— Скажи, сынок, они уже там? — И нерешительно показала вниз.

А там внизу был Баксан и ущелье, по которому всего несколько часов назад они выбирались вверх. Ночные тени медленно расползались по широкой долине. И только снежная шапка двуглавого великана Эльбруса еще отсвечивала нежным фиолетовым цветом.

Одноблюдов закурил и долго, так что старушка на-

чала беспокоиться, мысленно разговаривал с собой: «Эльбрус... Аш-Гамахо... «Гора, приносящая счастье». Счастье... И какое же оно, это счастье, если там фашисты...»

Юрий Васильевич не хотел огорчить старую женщину.

— Положение тяжелое. Наша армия пока отступает, да и немцы близко. Сегодня вы видели, как над ущельем кружился самолет-разведчик? — Его пальцы вздрогнули. Нелегко было смотреть на седую женщину, которая напомнила ему мать. Он тяжело вздохнул и, подбирая нужные слова, сказал: — Одного Эльбруса им мало. Фашисты попытаются выйти и к перевалам...

— И что же с нами будет? — не дослушав объяснения начальника перехода, вмешался в разговор подошедший фельдшер с торчащими усами.

Он был полный, не по летам подвижный. Даже на привалах, когда люди падали от усталости, он все время был в бегах: то в одном, то в другом конце лагеря. То послушает у ребенка пульс, то перебинтует кому-то ушибленную руку, а если выкроится минутка-другая, сбегает за земляникой. Но когда заходила речь о фашистах, не пропускал случая, чтобы не вставить и свое слово. Так было и на этот раз. Услышав разговоры Юрия Васильевича со старушкой, он тотчас же спросил:

— Неужели фашисты раньше нас окажутся на перевале?

— Кто вам такую ересь сказал? — поправляя темляк ледоруба, рассердился Одноблюдов и, взяв фельдшера под руку, произнес громко, чтобы слышала и старая женщина: — Не забывайте, внизу еще стрелковые части полковника Купарадзе и бойцы истребительного батальона Чепарина.

Фельдшер помялся, потом достал из кармана смятый листок и подал Одноблюдову:

— А это видели?

Юра молча взял небольшую листовку и ладонями принялся ее разглаживать.

— Откуда она у вас? — спросил он строго.

Фельдшер рассказал начальнику перехода, как, разравнивая площадку под палатку, нашел в камнях намокшую немецкую листовку, видно сброшенную пролетавшим накануне самолетом.

— Хотел порвать ее, — продолжал фельдшер, — но потом передумал. Решил вам показать...

Теперь Одноблюдов, не слушая старого фельдшера, рассматривал распростертого орла со свастикой и большие расплывчатые буквы. Полного текста не было, слева не хватало части листовки, но тем не менее смысл понять можно было.

«...Немецкому командованию точно известно, что Красная Армия разбита, а большевистские комиссары гонят вас в горы на верную смерть... Население обязано вернуться на рудники и помочь великой армии рейха строить новую жизнь...» Внизу подпись: «Генерал Конрад».

— Ловко сочинили этот, как его?

— Ауфруф, — подсказал старый фельдшер.

Одноблюдов задумался. Потом поднял глаза, усмешка сошла с его лица.

— Ну и благодетели!.. Думают, советские люди так и поверят этому вранью и встретят их хлебом-солью. Ничего, скоро фрицы поумнеют... И начнут соображать, куда их Гитлер затянул, — продолжал Одноблюдов.

Он аккуратно разорвал немецкую листовку на две части, в каждую по очереди насыпал табаку и, свернув толстую, как сигара, самокрутку, подал фельдшеру:

— На курево сгодится, берите...

В это время с ледника Юсеньги прозвучали выстрелы.

— Витя! Ты слышал? — окликнул Одноблюдов Кухтина, возившегося у костра.

Минута — и наступившую за этим тишину разорвал страшный гул. С ледника сорвалась большущая глыба льда и, рассыпаясь тысячами обломков, покатилась вниз. Прошла еще минута, загремело и на склонах горы Когутай так сильно, будто все горы разом рухнули и понесло этот гул по всей земле.

«Как гремит!» — подумал Одноблюдов и предложил Кухтину выйти на разведку склонов Когутая.

— Хорошо, — понимающе кивнул Виктор. — Только вот думаю, как быть с людьми и оружием.

— Возьми с собой несколько человек, — посоветовал ему Одноблюдов, — возьми и двустволку.

— Двустволку?

— А что поделаешь? — развел руками Одноблюдов. — За неимением другого оружия и двустволка может сгодиться.

Вглядываясь в темные силуэты скал, черневших справа от Когутая, Одноблюдов после короткого раздумья добавил:

— Не забудь прихватить с собой и фонари. Возможно, дотемна и не вернетесь...

В хлопотах и сборах вечер прошел незаметно. Летний день в горах длинный, теплый, даже жаркий. Зато ночь приходит сразу, холодная, особенно под утро.

На поляне горит костер. Скрестив по-восточному ноги, у огня сидят старики, курят, разговаривают между собой и часто поглядывают на небо, словно прося у него хорошей погоды.

Поодаль на черной бурке — мальчишка-сван в серой шапке из мягкой овечьей шерсти. Он нежно гладит большого лохматого пса, который мирно дремлет, свернувшись клубком у его ног.

— Ты что ж дурака валяешь, Габриэль? — подой-

дя к костру, просопел сутулый балкарец в широченной войлочной шляпе. — Твой ишак будет? — размахивая хворостинкой, показал в сторону палаток.

Габриэль медленно поднял голову, повернулся и утвердительно кивнул.

— Мой.

— Так почему твой ишак в палатку спать идет?

У круглолицего мальчика был осел как осел: упрямый, ленивый. Как остановится, то хоть стреляй — не сдвинешь с места, или сойдет с тропы — тогда никакими силами его назад не повернешь. Так было по дороге на Приют.

Ишак Габриэля выбрасывал и не такие «коники»: заходил в палатку и устраивался как в собственном сарае. Выгонят его из одной палатки, он с укором посмотрит на обидчика, помашет своим ободранным хвостом, а через минуту его потешная морда с длинными ушами видна уже в другой...

Вот и сегодня он устроился в приглянувшейся палатке. Мальчик нехотя поднялся и с безнадежным видом пошел за ишаком.

Понемногу замирала жизнь в Северном Приюте. Усталость брала свое, лагерь засыпал. Только альпинисты еще бодрствовали: обходили поляну, заглядывали всюду, где могла понадобиться их помощь: подбросят дров в костер, поправят растяжки на палатках, проверят, все ли дети хорошо устроились.

Когда начальник перехода принимал рапорт дежурного по лагерю, подбежал Моренец:

— На морене люди.

Из-за скал показался Малеинов со студентами-ленинградцами, проходившими в Тырныаузе преддипломную практику. Однoблюдов посмотрел на часы.

— Десять минут десятого. Хорошо вернулись, почти вовремя.

Ребята шли цепочкой, организованно. Впереди — инженер Проценко, которого руководство комбината выделило в помощь альпинистам. Последним, как и положено на спусках, шел инструктор.

Малеинов снял очки, аккуратно протер их платком и стал лаконично докладывать об обстановке и о подходах к леднику Юсеньги.

— Тропа хотя и слабо, но видна. Идти можно.

— Вы что, до самой воды дошли?

— Конечно. Даже глубину промерили. Тебе там до пояса.

— Значит, выход только один — переправляться вброд?

— Зачем вброд? Можно и по бревну, — мягко ответил Малеинов.

— Бревну? А откуда оно взялось там?

— Видно, остатки старой деревянной кладки. Бревно, правда, трухлявое, но для переправы сгодится.

— Вы что, перебросили бревно через поток?

— Не только перебросили, мы уже возвели небольшую кладку из камней для подхода к бревну.

— Вот и чудесно.

Однoблюдов отошел немного в сторону, присел на камень, подозвал к себе Малеинова и тихо спросил:

— Стрельбу слышал на ледопаде?

— Слышал.

— Ну и кто, по-твоему, поднял ее? Неужели и на перевале фашистские егеря?

— Поначалу и я так подумал, но, когда выбрался на гребень, увидел наших разведчиков с ручным пулеметом. Как я понял, командование Закавказского фронта готовит на перевалах линию обороны.

Малеинов что-то хотел добавить, но вдали показались огоньки. Колыхаясь, они приближались к лагерю.

Однoблюдов, напряженно вглядываясь в темноту, заметил силуэты людей.

«Наверное, Виктор!» — подумал он и стал пересчитывать людей. Шесть человек. А где еще два? Неужели с группой беда?..

Минут через пять Кухтин с ребятами уже стоял в кругу альпинистов и, заметив беспокойство на лицах товарищей, улыбнулся:

— Не волнуйтесь, все в порядке. Ребята сейчас придут с трофеем — подбитым туром.

У всех отлегло от сердца.

Виктор преспокойно вставил папиросу в обкуренный мундштук и заговорил:

— Знаете, Юрий Васильевич, что за шум был на Когутае? — И, не ожидая дополнительных вопросов, сам ответил: — Туры, самые обыкновенные дикие козлы. Скалы там сыпучие, из обломков. Когда с ледника ударил пулемет — туры врассыпную, кто куда. Поползла осыпь, полетели камни, начался камнепад.

Отблески пламени играли на лице Кухтина. Глубоко затянувшись папиросой, он закашлялся: отсыревший табак горчил и драл горло.

— Наверное, и Алеша слышал стрельбу, — немного погодя добавил Кухтин.

Все повернулись к Малеинову. Ветер распахнул штормовку, но Алексей, облокотившись на теплый камень у костра, уже спокойно посапывал. В накинутой на плечи теплой куртке подошла жена Однoблюдова.

— Будем ужинать?

— С удовольствием! Аппетит волчий, — улыбнулся Моренец.

Не дослушав Колиной тирады, Мина растолкала спящего Малеинова.

— А ты что, поститься собираешься?

— Еще чего не хватало! — Малеинов вскочил с места и замахал руками. — Я ведь голоден как волк.

Он достал из кармана кусок сахару с налипшими на него крошками хлеба и стал грызть.

— Раз ты такой голодный, собирайся быстрее. — Мина повернулась и стала подгонять остальных.

На лужайке, возле палатки Одноблюдова, уже был расстелен плащ. На нем — еда: в крышках котелков разогретая тушенка, большие ломти черного хлеба, рыбные консервы, банки со сгущенным молоком и даже ветчина.

— Ну и попируем сегодня! — не удержался Моренец. — Еще бы горячего чая попить.

— Не волнуйся, Коля, будет и чай. — Мина подошла к костру и вскоре вернулась с котелком в руках.

— Совсем горячий. — И стала разливать по кружкам.

А тут оказалось, что нет кружки у Двалишвили.

— Эх ты, горе-альпинист, — посмеялась Мина и достав собственную походную кружку, подаренную ей мужем при первом восхождении, протянула Грише: — Бери.

Скрипя ботинками, подошел Сидоренко. Теперь альпинистская команда была в полном сборе. Заговорили обо всем сразу: о Москве, фронтовых друзьях-товарищах, о разных восхождениях...

Только Сидоренко сидел задумчивый и время от времени широкими ладонями растирал ушибленное колено. Еще на подъеме Гриша Двалишвили заметил, как тяжело ступает Саша.

— Что с тобой? Почему хромаешь?

Саша прищурился, махнул рукой.

— Пустяки... Оступился и ногу подвернул.

— Зачем неправду говоришь?

На привале у родничка Гриша снова подошел к Сидоренко.

— Скажи по-честному, что у тебя с ногой?

Сидоренко расшнуровал сначала один ботинок, потом другой — на обеих ногах не было пальцев...

Так и шел он вверх, и, видимо, никто, кроме матери да Юры Одноблюдова, старого Сашиного товарища, не знал печальной истории с его пальцами...

После ночной трапезы настойчивый Гриша Двалишвили стал просить Сашу рассказать о том, что случилось у него с пальцами:

— Ты же обещал...

— А раз обещал, — поддержал Гришу Кухтин, — не упорствуй, рассказывай.

— Это было поздним летом 1938 года, — начал Сидоренко. — В центре Тянь-Шаньских гор. Мы тогда поднимались на неизвестную вершину, где еще не ступала нога человека. На восьмые сутки из всей экспедиции профессора Летавета нас осталось только трое: Женя Иванов, Леонид Гутман и я.

Погода не баловала нас. В грохот лавин вплетались громовые раскаты шквального ветра. Ветер свистел, хрипел на все голоса, бросая в лицо колючие комья смерзшегося снега с мелкими песчинками, которые сразу застывали ледяной коркой...

На высоте 6800 метров я перестал чувствовать пальцы ног. Началось самое страшное — апатия, тошнота, шум в ушах и другие признаки горной болезни... — Сидоренко на мгновение горько стиснул губы. — Еле двигались. Каждый шаг стоил неимоверных усилий...

— А потом? — спросил Гриша.

— Потом? На одиннадцатые сутки мы достигли высоты шести тысяч девятисот метров. Выше, как нам ка-

залось, уже ничего не было. Разве что темное небо и тучи, плывшие чередой над нами.

Мы были счастливы своей победой и безымянную вершину назвали пиком 20-летия комсомола...

Сидоренко говорил тихо, короткими, отрывистыми фразами, но говорил так, что нельзя было и слова пропустить. Рассказывая о своем восхождении, он тогда еще не знал, что покоренный им безымянный пик, названный именем комсомола, и предвершинный гребень самого северного в мире семитысячника, по существу, одна и та же вершина. Именно ее позднее и назвали в честь победы над фашистской Германией — пиком Победы.

То, что это одна и та же вершина, было установлено в результате последующих восхождений на пик Победы, в частности группы заслуженного мастера спорта СССР Виталия Михайловича Абалакова.

Когда в Москве в торжественной обстановке Виталию Михайловичу вручали золотую медаль, кубок и специальный жетон, учрежденный в честь успешного штурма грозного семитысячника, он снял с лацкана пиджака памятный жетон и протянул его присутствовавшему на вечере Сидоренко.

— Это тебе, Саша, за пик Победы.

Не предполагал Сидоренко и того, что высота покоренной им ледяной громады, возвышающейся над могучим хребтом Кокшаала, не 6900, как думал он, а 7439 метров — почти на 500 метров больше высоты Хан-Тенгри, которая с давних пор считалась наивысшей точкой Тянь-Шаня...

Когда Саша окончил рассказ, стало сразу тихо. Только слышно было, как убаюкивающе журчал за палаткой ручеек и где-то далеко под перевалом трещал лед.

— А теперь твоя очередь что-нибудь рассказать, Леша, — подморгнул Сидоренко Малеинову.

Леше, как называли Малеинова все, кто знал его в горах, было о чем рассказать. Искатель по натуре, следопыт, он всякий раз выбирал новые, никем не хоженные маршруты. И что ни поход, что ни вершина — что-то новое, свое, необычное, малеинское. Летней поры ему не хватало, и он принимался осваивать горы в самый трудный период — зимнюю непогоду. Это он с братом Андреем первыми в стране прошли на лыжах через самые высокие перевалы Главного Кавказского хребта, в 1932 году через Цаннер, в 1939 году — через Местийский, Каракая, а перед самым началом войны — через Семи, Башиль и другие. Поднимался на лыжах он и на вершину Лекзыр-Тау.

Общительный, разговорчивый, Алеша умел увлечь своей жизнерадостностью, веселым нравом и чувством юмора, которое его не покидало даже в самые тяжелые дни. Прямо поразительно, как он ухитрялся запоминать тысячи подробностей, смешных историй, мельчайших штрихов, без которых трудно представить себе захватывающую картину восхождения.

Поднялся Коля Моренец, подошел к костру, бросил несколько сухих веток. Коля очень любил стихи, песни и сейчас вспомнил о них.

— Ребята, вы, наверное, знаете, сколько на склонах Баксанского ущелья растет кустов барбариса. Их пунцово-красные продолговатые ягоды очень похожи на капельки крови...

В боях под Смоленском, Москвой, где участвовал и Николай Моренец, да и в горах, погибло немало Колиных друзей-альпинистов, они-то и навеяли ему грустные строки.

Тырныауз — заоблачный город (1500 метров над уровнем моря).

Алексей Малеинов.

Юрий Одноблюдов, начальник ледового перехода.

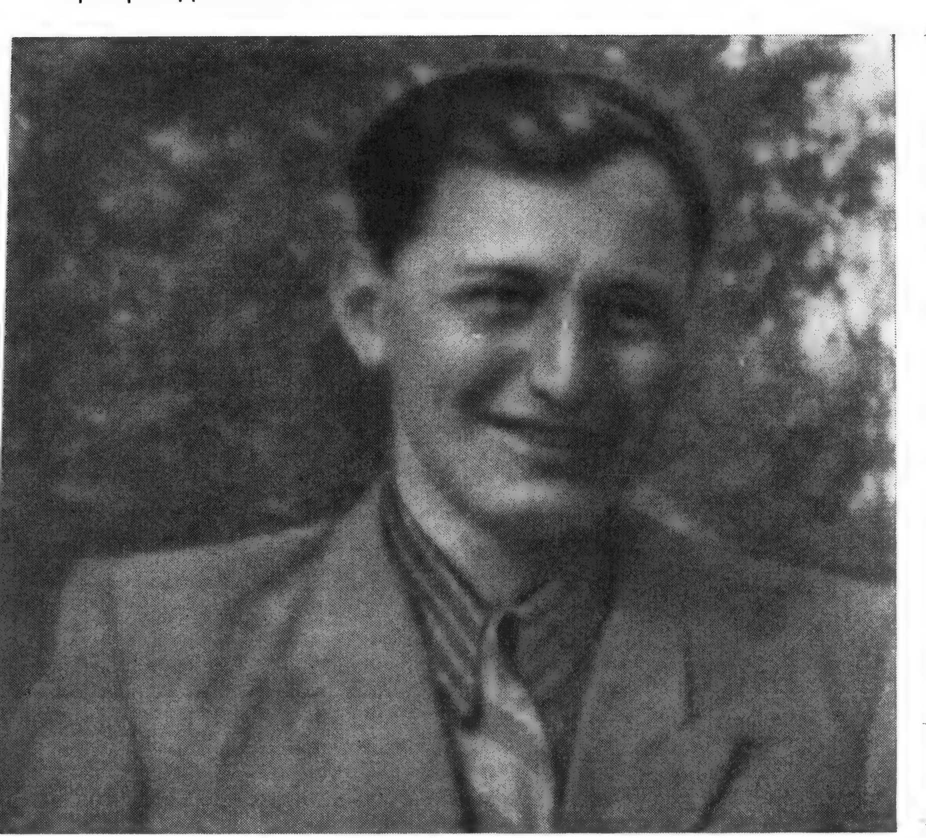

Александр Сидоренко.

Николай Моренец.

Григорий Двалишвили.

В. Б. Кубаткина с детьми: Леней и Аллой.

Инженер Карина Гудим живет в Нальчике. Восьмилетней девчонкой она с родителями шла через перевал.

Екатерина Гудим, участница перехода.

Григорий Гудим (в ледовом переходе — начальник Южного Приюта).

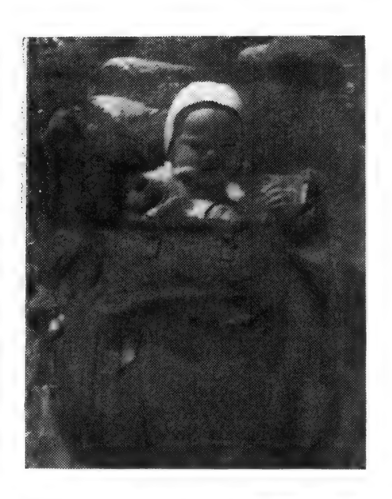
Мина Фадеевна, жена Юрия Одноблюдова, с дочкой Таней.

С Баксанского ущелья вела тропа на перевал.

Рюкзаки с продуктами для детей и альпинистским снаряжением грузили на ишаков.

Так несли через перевал маленьких детей.

На пути встречались и водные преграды.

Северный Приют.

Бесконечной ленточкой вилась по крутым склонам узкая тропа.

Путь на перевал Бечо.

Перевал Бечо. (Снято с ущелья Ирик.)

На самом хребте проходила оборона.

Высота 4200 метров. Альпинисты водрузили знамя на «Приюте одиннадцати».

Они штурмовали Эльбрус.

Через 20 лет. Участники ледового перехода и штурма Эльбруса. Слева направо: Л. Кельс, В. Кухтин, Н. Моренец, В. Лубенец.

Обелиск на перевале Бечо. Его установили энтузиасты из одесского туристского клуба «Романтик».

— Хотите, — после некоторого раздумья спросил Моренец, — прочту вам свой «Барбарисовый куст»?

Николай выпрямился, вынул руки из кармана, перелистал несколько страничек самодельного блокнотика и стал читать:

...Мне не забыть той долины —
Холмик из серых камней
И ледоруб в середине,
Воткнут руками друзей.

Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст.
Парень уснул и не слышит
Песен сердечную грусть...

— Здорово у тебя, Коля, выходит! — вздохнул Кухтин.

Моренец словно и не слышал Виктора. Он стоял у костра, смотрел на вспышки пламени, а потом после небольшой паузы продолжал:

Тропка, как ленточка, вьется,
Гордая речка шумит,
Кто-то в долину вернется,
Холмик он тот посетит...

Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст.
Парень уснул и не слышит
Песен сердечную грусть...

— Вот бы на эти слова музыку подобрать, — не удержался Малеинов.

Его слова оказались пророческими. В феврале 1943 года, когда советские альпинисты снимали с Эльбруса фашистские штандарты и водружали советские

флаги, стихи Моренца прозвучали песней над высокими горами. А после войны «Барбарисовый куст» стал одной из самых популярных песен среди альпинистов и туристов нашей страны.

— Ну что ж, ребята, — подняв капюшон штормовки, сказал Одноблюдов, — не мешает и подремать перед выходом.

Но подремать почти не пришлось. С полуночи небо стало хмуриться. На вершинах, словно башенки, примостились лохматые облака. А когда перед рассветом подул с юга теплый ветер, густые массы облаков поползли в сторону Донгуза.

— Гроза будет, Коля, — высунувшись из спального мешка, процедил сквозь зубы Сидоренко. — По ногам чувствую — болят на перемену погоды.

Сидоренко помолчал, затем вытащил из рюкзака карманный фонарь и посветил:

— У тебя волосы шевелятся.

Моренец машинально провел рукой по голове. С волос, словно бенгальские огоньки, посыпались искры...

По ущелью прокатилась волна холодного воздуха. Небо расколола широкая огненная молния. Грянул гром, и грохот отозвался глухими раскатами по всему ущелью. От сильной электризации начали гудеть металлические предметы: поясные пряжки, головки ледорубов, фляги, крючья.

Вскоре пошел дождь, частый, крупный.

— Проверить палатки. Детишек в домик. Всех остальных — в укрытие! — слышались команды.

Легко сказать «всех в укрытие». И без того палатки забиты до отказа. Вместо трех-четырех в палатках находилось по семь-восемь человек. Люди спасались от дождя где только можно: под брезентом, камнями, в

ближайших скалах, а шестилетний Костик с сестрой не без помощи альпинистов, спрятался под пустым ящиком, оставленным при отступлении нашими частями.

Дождь лил как из ведра. Бурлящие потоки воды с шумом неслись через лагерь, увлекая на своем пути камни, консервные банки и даже личные вещи тех, кто оставил их за палатками. Особенно бушевала вода в старом русле ручья.

— Представляю, как бы ты, сибирский цирюльник, веселился, — заметил Одноблюдов парикмахеру с рудника, — если бы поставил палатку на старом русле ручья.

Часам к трем сквозь падающую сетку дождя проглянуло солнце. Небо посветлело, вскоре дождь совсем перестал, и стали видны заснеженные склоны.

Солнце било уже прямыми лучами, сгущая воздух, нагревая камни, палатки и одежду, от которой клубился пар. Теперь можно было обогреться, обсушиться, подготовиться к подъему.

Незаметно прошел еще один день, и подкрался вечер, а с ним и алое зарево... Наступала ночь, холодная, с мириадами ярких звезд. Ночь, полная неожиданностей и тревог.

КУРИНАЯ ГРУДКА

Когда последняя партия оставила Северный Приют, стояла еще ночь, черная, холодная. В глубине неба ярко блестели звезды. То в одном, то в другом конце широкой поляны вспыхивали и в беспорядке метались огоньки карманных фонариков. Под ногами, словно в жерновах, перекатывалась, шуршала и причудливо пела мелкая галька.

«...Старайтесь идти быстрее, тогда и детям будет теплее...»

Вера Борисовна Кубаткина в который раз вспоминала напутствие инструктора и в меру сил старалась его выполнять. Когда сбивалось дыхание и донимала одышка, женщина задерживалась на минуту-другую, отдыхала. Потом, взвалив на плечи вещевой мешок, покрепче брала за руки детей и шла дальше.

Внизу, за Приютом, еще видно было узкое ущелье Юсеньги, а за речной поймой, словно в парадном строю, выступали черные склоны, один за другим. Дальше все сливалось в однообразную голубую дымку.

Время шло. Стрелки часов подбирались к пяти. Догнав Малеинова и Двалишвили, Одноблюдов вышел с головным отрядом на едва заметную тропу, с километр шли, петляя по речной пойме, пока наконец не уткнулись в горный поток.

— Я задержу колонну, сделаем привал пока, — не

поворачивая головы, сказал Одноблюдов, — а ты, Леша, займись переправой...

— Хорошо, — кивнул Малеинов и, прихватив с собой Двалишвили, стал подниматься каменистым берегом...

Свалившиеся накануне с языка ледника камни запрудили Юсеньги и заставили ее отклониться чуть вправо. С трудом наведенная Малеиновым переправа местами оказалась под водой.

Поднявшись вверх по реке, Малеинов увидел торчавшее из воды бревно. «Подтянуть бы его», — подумал Алеша и подозвал к себе Двалишвили. Они подошли к бревну, вцепились в него руками. Раз-другой раскачали, и бревно подалось. Чтобы лежало понадежней, подмостили камни.

— И все-таки коротковато, — с досадой заметил Двалишвили, — до берега не дотягивает.

— Что поделаешь, — в тон ему ответил Малеинов, — для переправы дальше камни сгодятся.

Сразу за бревном из воды торчали каменные глыбы. Они были не очень скользкими. Можно было переступать с камня на камень.

Вскоре альпинисты возвратились с переправы.

— С какими вестями пришли? — встретил их Одноблюдов.

— С хорошими, Юрий Васильевич, — откашлявшись, ответил Малеинов, — перетянули бревно, нашли и камни для переправы.

— Безопасно?

— Вполне, если еще натянуть перила.

Одноблюдов одобрительно кивнул и стал доставать из-под клапана рюкзака вспомогательную веревку. Потом, выпрямившись, распорядился побыстрее подтягивать к переправе людей.

— А ты, Гриша, — посоветовал начальник перехо-

да, — на всякий случай выставь несколько спасательных постов.

Двалишвили незамедлительно занялся поручением. Ставил на каждый пост двух ребят помоложе. Каждому из них показывал на месте, как лучше связываться между собой веревкой, чтобы при необходимости один мог броситься в реку для оказания помощи, а другой на берегу обеспечить надежную страховку.

Близился рассвет. У переправы собралась толпа. Шум, гомон, толчея. Когда подтянулись все группы, а с ними подошли и остальные альпинисты, Одноблюдов отозвал в сторону Малеинова и сказал:

— Можешь проинструктировать людей.

Алеша снял очки, протер их шерстяной шапочкой, торчавшей из кармана, взобрался на высокую каменную плиту и стал пояснять собравшимся, как вести себя во время переправы через горный поток. Говорил он громко, с расстановкой. «Сохранять равновесие... Не останавливаться... Камни использовать как кратковременную опору...» — издалека были слышны обрывки фраз.

— Запомните, — подчеркивал Алексей, — главное внимательность и осторожность. Повторяю: на воду не смотреть...

Когда окончил, вопросов не ждал. Соскочив с каменной плиты, Алексей подхватил оставленные Одноблюдовым концы веревок и, прыгая с камня на камень, переправился на другой берег. Привязав к камням веревочные перила, он натянул их на уровне плеча.

«Так будет удобнее», — подумал он и вернулся к берегу. Постоял, посмотрел и стал вызывать людей:

— Хазбиев, к бревну! Левандовский, у тебя сапоги — в воду полезешь! Будешь с Железняком забирать детей у Хазбиева и передавать их мне!

У Малеинова и Двалишвили было немного больше

детей, чем в остальных группах, поэтому они сами переносили их на противоположный берег.

Группа за группой переправлялась через поток. Очередь дошла и до бабушки Елены. Среди женщин она была самая старая. Щупленькая и тихая, в легком осеннем пальто, она ничем не отличалась от других женщин. Шла она молча, не жалуясь и не отставая от других, хотя и страдала ревматизмом. Рассказывали, что весной сорок второго года из-под Ростова ей пришла похоронная на сына. Большое горе и привело старушку в управление комбината, к парторгу ЦК.

— Что хотите делайте, — щуря воспаленные глаза, заявила она, — но я должна быть на фабрике, где до войны работал мой сын.

Ей нельзя было отказать. Через два дня бабушку Елену уже видели подсобницей у флотационной машины.

Заметив старую женщину, Малеинов передал Двалишвили сидевшую у него на плечах девочку и направился назад к реке. Он знал: с рассветом вода в Юсеньги может прибыть. Решил подойти к старушке поближе — подстраховать ее.

— Не бойтесь, бабушка. Крепче держитесь за веревку! — подсказал он.

Но женщине было страшно. Она прошла метра два и в нерешительности остановилась. Губы ее посинели.

— Сердце... — прошептала старушка и пошатнулась.

Только отчаянный рывок Малеинова предотвратил беду. Он подхватил ее и в самый последний момент удержал на бревне.

— Что с вами?

Старушка молчала. Побелевшее лицо едва заметно вздрагивало.

— Совсем уже немного... — Придерживая женщину рукой, Малеинов помог ей перебраться через горный

поток. А когда они наконец ступили на песчаный берег, с участием спросил:

— Идти сможете?

Налетевший ветер скомкал Алешины слова, однако старушка поняла, что вопрос относится к ней, виновато улыбнулась и, не сказав в ответ ни слова, пошла дальше...

С рассветом угрюмые серые горы стали какими-то фиолетовыми. Угомонился ветер. За скалистый хребет спрятались редкие облака, а с ними ушли и ночные тени. Небо стало таким чистым, что на поворотах легко просматривались очертания длинной гряды скал, откуда, собственно, и начиналась дорога к перевалу...

Но до него было еще далеко. Едва заметная тропа снова открылась за рекой и, сделав несколько замысловатых зигзагов, свернула влево.

Склон становился круче и однообразней. Скудела и растительность. Постепенно исчезала трава, а с ней и заросли рододендронов. Зачастили мелкие осыпи, разрушенные скалы с хаотическим нагромождением камней, разных по форме и величине. Теплей не становилось. Наоборот — потянуло свежестью и прохладой.

Вскоре за валом камней показался ледник, сплошь заваленный у самого языка черными обломками скал. Подъем на ледник начинался с моренного склона. Он был крутым, но не длинным — метров десять, не больше. Справа проглядывали «бараньи лбы» — гладкий, зализанный до блеска монолит. Как говорили альпинисты, на нем и глазами не за что зацепиться. Дальше виднелись места, где ледник, сползая вниз по склону, рвался на части, падал, образуя ледяные глыбы...

Там, где пролегал путь участников перехода, ледник был сильно растрескан и завален снегом. Обойти закрытую часть ледника было не так просто, как поначалу показалось.

Одноблюдов задумался. Впервые от альпинистов зависела жизнь стольких людей: женщин, стариков, детей. От него и пятерых его товарищей. Юрия Васильевича беспокоило, успеют ли они до наступления вьюжных дней перевести людей через перевал... В долине Баксана идут бои с фашистскими егерями. Впереди ледник с крутыми склонами, скальный гребень, головокружительный спуск к морю. Кто знает, какая будет погода, что ждет их на пути, может быть, и фашистские засады...

Время не терпит. Нужны быстрые и смелые решения, нужна воля и находчивость и, конечно, знание до мелочей маршрута, которым альпинисты ведут тысячи людей.

Щедро пригревает солнце. Ворчат талые воды в широких воронках. В небе галдят альпийские галки, черные, крикливые, и все вдруг уносятся к ледовому обрыву. Одноблюдов глянул в ту сторону, куда полетели птицы, и, чиркнув по снегу штычком ледоруба, спросил подошедшего к нему Малеинова:

— Как ты считаешь, не надо ли выслать вперед разведку?

— По-моему, необходимо.

— Пусть пойдут с Гришей Двалишвили?

— Можно и с Гришей. Парень он бывалый и смелый.

Услышав свое имя, Гриша оглянулся, подошел ближе. Не дослушав до конца, улыбнулся:

— Можно собираться, Юрий Васильевич?

— Подбери добровольцев, двух-трех, больше не нужно. Разъясни им, что к чему, и ступай.

Гриша прошел несколько шагов вниз, воткнул ледоруб в снег и замахал рукой идущим впереди парням:

— Ребята, ко мне!

Двое парней в сванских шапочках мигом очутились

возле Гриши. Быстро связавшись и выслушав напутствие инструктора, вышли на ледник. Первым в связке шел Двалишвили, вторым Петя, молодой инженер-маркшейдер, замыкающим Толя, голубоглазый студент из Ленинграда. Группа двинулась — за ними и вся колонна.

Люди шли гуськом, след в след. Широкие открытые трещины обходили, другие, узкие, перепрыгивали, а детей переносили, передавали из рук в руки. Там, где тропу нельзя было проложить в обход трещинам, прокладывали деревянные мостки. Чтобы обеспечивать безопасность движения, в снег или лед вбивали металлические штыри, которые, как и мостки, подвозили сваны на ишаках. Через кольца штырей протягивали веревочные перила.

Хуже было в той части ледника, где под снегом вообще никаких трещин не было видно. Это были очень опасные места... Их преодолевали с переменной страховкой. Один двигается, двое других подстраховывают веревкой. Каждый шаг приходилось прощупывать ледорубом.

— Справа трещина, — вдруг дернул за провисшую веревку Петя.

— Вижу, — отозвался Двалишвили и стал приближаться к краю трещины. В глубоком провале был виден темно-синий, пожалуй, скорее черный лед, блестящий, излучающий какое-то загадочное сияние. Двалишвили бросил в трещину камень.

— Раз, два, три, четыре, пять... — считал Толя, голубоглазый студент из Ленинграда.

Откуда-то из глубины послышался приглушенный стук.

— Шесть, семь, восемь...

Снова стук, теперь уже совсем глухой и далекий. Камень ударился о дно трещины, а может, и не о дно,

а лишь о боковую ледяную стену. Еще через секунду послышался совсем далекий, какой-то раскатистый гул, потом сразу все стихло.

— Ну и трещина! Метров сорок... — воскликнул Толя.

— Сорок не сорок, а двадцать будет, — поправил его Двалишвили и, свернув два-три кольца из провисшей веревки, обошел провал.

До самого языка ледника покатилась строгая команда:

— Трещины! Внимание, трещины!

— Трещины!.. — зловещим эхом вторили горы...

— А-а-а! — вдруг где-то внизу закричала женщина.

Восьмилетний Юра Чувилев, который шел впереди нее, неожиданно исчез под снегом. Первым на помощь бросился Виктор Кухтин. Заметив в осевшем снегу воронку, понял: человек там. Забив ледовый крюк, Виктор пристегнул карабин и через него пропустил веревку. Потом, бросив один конец веревки вниз, ухватился за нее руками, натянул и стал осторожно подходить к краю трещины.

— Осторожно, сорветесь! — крикнул ему седоусый мужчина в дубленом полушубке.

— Не бойтесь, не сорвусь.

Упираясь ногами в ледовую стенку, Виктор быстро опускался в трещину.

Затаив дыхание, люди молча ждали. Прошла минута, другая. Тихо-тихо!

— Не случилось бы чего с инструктором! — невольно вырвалось у бородатого старичка. Он хотел позвать на помощь других альпинистов, но в эту минуту увидел, как дернулась веревка. Это был сигнал.

— Тащи!

Трое шахтеров ухватились за веревку. Прошло еще

несколько томительных минут. Наконец показалась взлохмаченная, вся в снегу голова Юрика.

Мальчика обступили.

— Сыночек! — послышался в толпе материнский голос.

Юра виновато улыбался.

Освободившийся конец веревки снова бросили в трещину. Наступили тревожные минуты.

— Иду! — послышался глухой, словно из погреба, голос.

Выбравшись наверх, Кухтин развязал грудную обвязку, булинь, и громко произнес:

— Говоришь, Юрик, шапку потерял?

— Ага!

— Ничего! — Кухтин подошел ближе, по-отцовски обнял мальчика за худые плечи. — Могло быть и хуже...

Юра думал, что сейчас начнут его отчитывать, бранить за неосторожность. Но Кухтин только достал из кармана штормовых брюк шерстяной подшлемник и протянул оторопевшему Юрику.

— Бери, бери. — И подхватил рюкзак, давая этим понять, что пора в путь.

Колонна зашевелилась и, растянувшись на большое расстояние, снова двинулась по леднику. Узкая тропа поначалу шла на юго-запад, потом пересекла ледник и вышла к снежному выступу, имевшему форму куриной грудки.

— Ну что там, Леша? — окликнул Малеинова Кухтин. — Снег или лед?

Малеинов не раз ходил через Бечо и хорошо знал все подходы к перевалу, в том числе и Куриную грудку.

— Если хочешь знать, Витя, — ответил Малеинов, — ближе к ледовому выступу снег обычно держится до середины лета. Идти там легко, но, чтобы случайно не

попасть в скрытую трещину, необходимо тщательно прощупывать наст ледорубом.

— Так это до середины лета, — заметил Кухтин. — А остальное время?

— В июле и даже в первой половине августа на Куриной грудке снег плотный, подъем не требует специальной подготовки... Только глядеть нужно в оба: идти внимательно, осторожно, плотно вбивать ботинок в снег.

— Если не ошибаюсь, сейчас уже середина августа, по-твоему, выходит, что на Куриной грудке лежит снег?

— Трудно сказать. Год на год не похож. Сейчас, думаю, снег давно сошел и там сплошной лед.

Разговор продолжался бы, если бы Алексей не увидел из-за поворота крутой ледовый гребень. Озаренный солнцем, он был хорошо виден всем. Какая-то женщина остановилась и воскликнула:

— Так это и есть Куриная грудка?

Остановилась вся колонна. Люди с ужасом смотрели на ледяной выступ.

— Ничего не скажешь! — вырывается из уст Кочергина, седого шустрого старика в длинном дождевике поверх теплой куртки, застегнутой на все пуговицы. — Если сорвешься, то и костей не соберешь.

— Ну зачем вы так, — с укором заметил молодой крепильщик с лыжной палкой в руке.

Зябко поеживаясь, Кочергин заморгал глазами и, видно, что-то хотел сказать в ответ, но, услышав вблизи голос Однoблюдова, словно ужаленный, подскочил:

— А как вы думаете, Юрий Васильевич, — спросил он, — под силу нам взобраться на этот утес?

— Если бы не под силу, то и не тащили бы вас сюда.

Бледный и растерянный, стоял перед ним старик, хотя и делал усилие, чтобы овладеть собой.

— А вы не волнуйтесь, товарищ Кочергин, — успокаивал его Одноблюдов. — Куриная грудка только издали кажется страшной. А начнете подниматься, и ничего, пройти вполне можно. Пока вы передохнете, проложим для вас тропу, навесим перила. Все будет хорошо, вот увидите.

— Дай бог, чтобы все было так, как вы говорите, — прошептал старик.

Подошел Малеинов.

— А где вся группа? — поправляя сползшие на лоб дымчатые очки, спросил Одноблюдов.

— Тянутся по леднику, — показал рукой Малеинов.

Длинной цепочкой по леднику двигались люди. Одни шли в связках, другие без веревок. Если попадались ледяные глыбы или глубокие трещины, их обходили со всеми предосторожностями.

— Молодцы, идут осмотрительно... Сделаем здесь привал.

Малеинов, сбросив с плеч рюкзак, улыбнулся:

— Я так и знал.

Одноблюдов внимательно посмотрел на ледник.

— Пока все подойдут, мы на Куриной грудке проложим трассу. Вот только трудновато нам будет выкручиваться без кошек.

— А что поделаешь? Давай не будем терять времени, займемся ледовыми ступеньками и навеской перил.

— Об этом и хотел я сказать тебе, Алексей. — Одноблюдов еще раз осмотрел ледовый склон и тяжело выдохнул. — Начнем с тебя, как с самого опытного альпиниста... Не будешь возражать?

— Ты что!

На Куриной грудке лед был твердый и гладкий, как алмаз. Быстро сориентировавшись, Малеинов выбрался на ледовый склон. Снизу была хорошо видна его сухая, подвижная, на первый взгляд совсем не богатырская

фигура. Вот он примостился на склоне и стал размечать, а потом вырубать одну за другой ступеньки. Куски льда разлетались веером. Они секли лицо, залетали под капюшон штормовки и даже прилипали к толстым стеклам выпуклых очков. Алексей отфыркивался, переходил на вырубленную ступеньку и делал следующую. Ступеньки у него шли зигзагами. Чтобы было удобней менять направление подъема, он вырубал на поворотах «лоханки» — большие ступени для обеих ног.

Затаив дыхание люди с восхищением смотрели на смельчака. Кое-кто из новичков предлагал помочь. Но Алексей молчал.

— Не слышит.

— А и услышит, так все равно не отзовется...

Во время минутных передышек Малеинов слышал, как в висках стучит кровь, слышал голоса тех, кто кричал снизу, но не спешил с ответом. Кто-кто, а он хорошо знал, что такое ледовые ступеньки и каких навыков, опыта, мастерства требуют они от человека...

— Может, помочь? — надрывался внизу Кухтин.

— Ну ладно, — Малеинов махнул ледорубом. — Давай подмогу. — От общей колонны отделилось двое. Придерживаясь за веревочные перила, они осторожно поднимались вверх. Первым Малеинов увидел Яшу Евлакова. Это был самоотверженный парень, заместитель секретаря рудничного комитета комсомола. Следом за ним поднимался быстрый и верткий молодой забойщик.

«Да, этим молодцам силенок не занимать, — поглядывая на рослых и крепких парней, думал Малеинов. — Хоть сейчас их на ковер!»

Ребята понравились инструктору, и он принялся за обучение. Поначалу у них не все ладилось. Ледоруб ерзал в руках: то удар выходил слишком сильным, то вдруг с почти готовой ступеньки откалывался пласт льда, и ступенька приходила в негодность.

— Как, я говорил, держать ледоруб? — сердился Малеинов.

— Двумя руками, — виновато промямлил Яша.

— А ты как держишь?

— Одной.

— То-то ж. — Сделав паузу, Малеинов несколько раз напомнил парням, что рубить лед следует боковыми ударами. Корпус держать в вертикальном положении.

Постепенно дело наладилось, и ступеньки стали выходить приличные, даже лед с них не скалывался.

С подъемом становилось холодней, ветреней, но те, кто вырубал ступеньки на ледовом выступе, холода почти не чувствовали. Им было жарко. Работа тяжелейшая: одна ступенька — четыре-пять ударов ледорубом, каждая десятая — пятьдесят. А если таких ступенек двести, триста, пятьсот? И когда за спиной тяжелый рюкзак, когда высота и легким не хватает кислорода? Когда ветер прошибает до костей? Когда острыми иголками впивается в лицо колючий снег? Приходится еще стоять на скользкой ступеньке, посматривать вверх — за камнями, а вниз — за людьми, так как куски льда часто летят далеко вниз, могут попасть в людей... Все время напряжение, тревога...

Когда на ледовом склоне была проложена трасса, вырублены ступеньки и навешаны перила, инструкторы стали переводить небольшими группами людей. Начался самый ответственный этап ледового перехода.

К Куриной грудке прижался человек. Метров на пять ниже — еще один, дальше — еще... Альпинисты. Они прокладывают путь, поправляют ступеньки, рубят новые. Где особенно круто и опасно — натягивают дополнительную веревку и по ней поднимают людей.

На одном из участков Куриной грудки, самом опасном, неожиданно возник вопрос: кого пропускать раньше? Людей или ишаков с вьюками?

— Пустим ишаков, — решил начальник перехода. — А люди пусть еще отдохнут...

— Ич, ич, — раздались крики погонщиков.

Животные плелись медленно, осторожно, поджав от страха хвосты. И вдруг в облаке снежной пыли покатилось что-то большое, страшное, непонятное.

Тревожные взгляды вмиг устремились вверх. И тотчас же по колонне пронеслось:

— Человек сорвался! Человек сорвался!

Заволновались, заметались женщины. Заплакали дети. В ушах звенел надрывный крик девочки. Колонна остановилась. Стараясь немного успокоить встревоженных людей, Сидоренко бегал по леднику, размахивал ледорубом и кричал до хрипоты:

— Какой человек! Это же ишак сорвался! Ишак, я вам говорю!

Сорвался действительно ишак. Откуда-то сверху, со снежного склона, скатился камень. Попав на ледник, он стал скалывать по пути целые глыбы льда и тащить их за собой. Навьюченные животные, шедшие впереди, испугались и шарахнулись в сторону, увлекая за собой других ишаков. Первый ишак удержался, но второй покатился вниз. Погонщик Осман едва успел бросить поводья, но тоже поскользнулся и упал. Пролетев несколько метров, он сумел задержаться, а бедные животные исчезли в глубокой пропасти. И все это на глазах у женщин и детей!..

— Мы дальше не пойдем! — истерически заголосила молодая женщина в пуховом платке, прижимая к груди ребенка.

— Не пойдем, слышите, не пойдем! — поддержала ее другая.

Остановились в нерешительности и остальные.

«Что делать?» — подумал Сидоренко, но в это время его отвлек откуда-то сверху, нарастающий гул.

— Неужели опять «рама»...

Но в этот раз это был не фашистский самолет-разведчик. Эхо ружейных выстрелов, каких-то взрывов доносилось не сверху, а снизу, со стороны Баксана.

Как стало известно позже, крупное подразделение первой горноальпийской дивизии «Эдельвейс», перебравшись через перевал Хотю-Тау, заняло Старый Кругозор, Ледовую базу Эльбруса и другие высоты, господствующие над верховьем Баксанского ущелья. Спустившись по снежным склонам Эльбруса в долину Азау, эдельвейсовцы захватили учебную базу Центрального спортивного клуба армии в трех километрах от селения Терскол.

Немцы рассчитывали зайти в тыл нашим войскам, отходившим тогда по Баксанскому ущелью, захватить перевалы в центральной части Главного Кавказского хребта, отрезать путь к морю. Угроза окружения нависла и над гражданским населением, которое в это время альпинисты поднимали к перевалу Бечо.

Однако фашистским планам не суждено было сбыться. Подвижной отряд 214-го кавалерийского полка и два взвода конвойного батальона НКВД подошли к Терсколу и, замаскировавшись в ближайших скалах, перехватили разведку противника, а затем в коротком и кровопролитном бою полностью уничтожили немецких егерей...

— Не пойдем, слышите, не пойдем, — долго еще звучали эти слова в ушах тех, кто находился на Куриной грудке.

...Моренец и Сидоренко переглянулись. Оба подошли к женщине в пуховом платке. Подобрав ноги, она си-

дела на льду и плакала. Как утешить женщину? У нее недавно на фронте погиб муж, а в Тырныаузе умерла дочь. И этот единственный ее ребенок тоже может погибнуть. Моренец осторожно поднял плачущую женщину, взял у нее ребенка, обернул в плащ-палатку и привязал к себе. А Сидоренко достал из рюкзака вспомогательную веревку репшнур, ловко смастерил «проводничок», пристегнул его одним концом к поясу женщины, другим — к своей обвязке.

— Идемте! — сказал он как можно спокойней. — Только прошу, не оглядывайтесь! Не смотрите вниз!

Колонна снова двинулась дальше. Люди молча шли за альпинистами туда, где совсем недавно сорвались в пропасть животные.

Сидоренко шел медленно, осторожно, поддерживая за локоть перепуганную женщину. Она тяжело дышала, губы ее посинели, на глазах слезы. Временами она забывалась и что-то бормотала. Саша прислушался и едва разобрал: «Господи, спаси, милостивый...»

— Неужели вы еще на бога надеетесь? — удивленно переспросил Сидоренко.

— Надеюсь, — конфузливо и растерянно ответила женщина, а потом, видимо спохватившись, поправилась: — Больше на вас, чем на бога.

— На нас надейтесь, но и сами не плошайте...

Куриная грудка запомнилась людям на всю жизнь. От одного ее вида кружилась голова и дрожали колени. Как бы люди ни уверовали в своих провожатых, а страх не оставлял их ни на минуту. В голове одна и та же мысль: только бы не свалиться, только бы дети остались живы...

Горы есть горы, со своими причудами, постоянными и всегда неожиданными переменами. Полтора часа тому назад ледяные стены отсвечивали всеми цветами радуги, искрились, блестели, переливались, а сейчас

вдруг все краски потускнели. Потянуло холодом. По небу, словно стадо барашков, поплыли облака, и с крутых склонов понеслись навстречу тучи колючего снега.

— Не задерживаться! Не оглядываться! Вверх! Вверх!..

Но женщины, старики, дети без особых команд шли, ползли, тянулись к вершине ледника...

— Бабушка, сердце? — кричит кто-то из инструкторов.

— Сердце? Сердце — ничего.

— Холодно? Очень?..

Старушка не отвечает: холодно очень, но сказать стесняется. Уже более трех километров над уровнем моря. Высота дает о себе знать. Тошнит, побаливает голова, у некоторых детей идет носом кровь.

На ледовом склоне, как и раньше, предупредительно звучат голоса альпинистов:

— Держитесь, товарищи!

— А мы и так держимся, — сипло вздохнул старый шахтер. Он очень бледен. Он едва тянет ноги. Чтобы согреться, шевелит пальцами, но теплее не становится. Не идти нельзя — совсем окоченеешь. И старик идет, и ногу ставит только на ледовую ступеньку, иначе...

И опять слышится команда:

— Не смотреть вниз! Идти след в след! Не останавливаться!

Переправив через ледовый выступ одних, альпинисты возвращались за другими. На Куриной грудке, как и на переправе через горную реку, руки должны быть свободными, чтобы держаться за веревочные перила, опираться на палку или ледоруб. Все понимали, что на ледовом выступе круто, опасно. Два дня тому назад, поднимаясь по ущелью реки Юсеньги, матери неохотно отдавали своих детей. Перед Куриной грудкой уже не было таких разговоров. Матери отдавали детей альпи-

нистам, а те переносили их по очереди на руках — одного, другого, третьего...

Самых маленьких детишек несли в рюкзаках, иногда по двое. Привязывали сверху чем-то вроде сетки из марлевой ткани, чтобы ребенок не выпал. В дело пошли простыни, полотенца. В опасных местах ими привязывали детей к себе...

Приходилось альпинистам иногда перетаскивать на себе и взрослых. Машинистка из Тырныауза, тяжело больная женщина, совсем задыхалась.

— Так вы хотите тащить меня?

— Я, положим, не хочу, но приходится.

— Ну что же, у меня другого выхода нет...

Через всю Куриную грудку несли ее на себе Александр Сидоренко и Николай Моренец.

И остальные альпинисты, привязывая к себе веревками, тащили вверх тех, кому было особенно трудно: стариков, ослабевших женщин. Всем было тяжко. Раны, полученные Моренцом в боях под Москвой, напоминали о себе при каждом шаге. Сидоренко ни на минуту не забывал о своих ступнях с ампутированными пальцами. А людей еще надо успокоить, ободрить...

Поравнявшись с Кухтиным, сухонький рудничный конторщик не преминул спросить:

— Товарищ инструктор, долго ли до перевала?

— Пройдем Куриную грудку, а там недалеко.

— Думаете, дойдем?

— Ну конечно, дедушка!

Уверенность и самообладание альпинистов успокаивающе действовали на изнуренных людей. И они шли сквозь непогоду, все выше и выше — к угрюмому перевалу, казавшемуся им недоступным, шли с верой в счастливый исход.

ПЕРЕВАЛ

За Куриной грудкой путь к перевалу вел на юго-запад. Склоны становились более пологими и безопасными. Если трещины и попадались, то совсем неглубокие, сплошь заваленные камнями.

— Там дальше пусто, — пояснял впереди идущий инструктор, попадая на такую трещину. — Мы идем по каменному «мосту».

Под ногами что-то гудело. Видимо, как и говорил инструктор, там пустота. Люди идут, держась за натянутые веревочные перила. Идут не спеша, затаив дыхание: три, пять шагов... семь, и снова чистый лед. Попадались трещины и с прочными снежными «мостами». Тогда передний альпинист зондирует снежный наст штычком ледоруба. Следом двигаются остальные. Если же такой «мост» ненадежный, альпинист, идущий впереди колонны передает по рядам:

— Идти только по одному, со страховкой через ледоруб!

Те, кто полегче, пробираются по снежному «мосту» на четвереньках, кто тяжелее — переползают по-пластунски.

Уже далеко за полдень. В туманной дымке проглядывает клочок Баксанского ущелья. Там было все по-летнему: и горячее солнце, и густая зелень, и пение птиц. В зарослях бодрствовали полосатые барсуки. Шустрые белки только начали припасать орехи и су-

шить на ветках грибы к зиме. А по дороге на перевал — поздняя осень, даже зима. Те короткие минуты отдыха, которые выпадали, не приносили желанного облегчения. Порывы шквального ветра, словно ошалелые, гнали из-за хребта низкие серые тучи. В воздухе кружились хлопья мокрого снега. Забивало дыхание, обжигало лицо, пронизывало до костей. Особенно мерзли дети и пожилые люди. От усталости предательски смыкались веки.

Пятилетняя Наташа, дочь рудничного геолога Митрофанова, съежилась у бабушки на руках и стала засыпать.

— Ты что, внученька? Не спи, сейчас двинемся!

Заснуть даже на несколько минут нельзя ни в коем случае: уснешь — не проснешься.

Взвалив на плечи тяжелые мешки, матери поднимали детей и молча шли за альпинистами. Было скользко. Люди падали, сбивали колени, поднимались и снова шли по протоптанной в снегу тропинке.

— А вы куда? — послышался голос инструктора.

Вера Ивановна Ковалева отошла с детьми в сторону и приложила руку к сердцу.

— Вам плохо? Помочь?

— Не надо. Спасибо, — тихо произнесла она хриплым, простуженным голосом.

Но останавливаться нельзя, и через несколько минут Вера Ивановна снова двинулась с детьми вперед, наверное, как и все, думая про себя одно и то же: «Только бы не отстать, подальше уйти от проклятых фашистов».

Ветер без разбора хлестал по лицу и в спину, с ног до головы осыпая снегом, песчинками и мелкими камешками. Страшно было смотреть на людей, особенно на детей. Лица обожжены солнцем, носы заострены, глаза не по-детски серьезны. Даже самые маленькие не плачут.

Невесело на душе и у альпинистов. У них свои за-

боты, волнения. Протаптывает тропинку в неглубоком снегу Саша Сидоренко. Рослый, широкоплечий, с копной густых волос, он идет размеренно, не останавливаясь. Но вот нога ударилась о что-то твердое.

— Гляди, — сказал сам себе, — консервная банка. Московская этикетка... Вот здорово!..

И мыслями он уже в Москве, родном и близком городе. Припомнились друзья-альпинисты, с которыми штурмовал семитысячники Памира. И вечер, когда привезли его в больницу с отмороженными ногами. И просторная палата, и доктор в накрахмаленном халате, и слова, сказанные им тогда с глубокой печалью:

— Вряд ли, друг мой Саша, бывать тебе в горах.

Да только ли это вспомнилось?.. А бессонные ночи после операции, процедуры, бесконечные тренировки, которыми он буквально изводил себя...

И вот он опять в горах. Правда, это не те горы, в которых год или два тому назад совершал он рекордные восхождения, а другие — военные, тревожные.

Саша шел, утаптывая снег, и думал о Москве, когда вдруг заметил знакомую куртку Моренца.

— Ты куда, Коля?

Моренец встрепенулся и, растягивая слова, взволнованно ответил:

— Понимаешь, парнишка пропал.

— Как пропал? Где?

— И сам не знаю. — Коля откашлялся. — Помнишь такого костлявого, в летнем картузе и синем шарфе?

— Ваню, что ли, того, кто ставил с тобой на последнем биваке палатку-полудатку?

— Вот его-то и не хватает.

— А ты всю колонну перебрал?

— Вдоль и поперек.

— Ну и что?

— В хвосте колонны мальчишку не нашел. В се-

редине сколько ни спрашивал — один и тот же ответ: «Нет, не видали». А теперь перебрался к тебе, в голову колонны, и тут его нет.

— Отстал? Упал в трещину? — Николая трясло как в лихорадке.

— Слушай, а если тебе вернуться назад к Куриной грудке? — стягивая с головы капюшон штормовки, сказал Саша — Ведь за нами идет колонна Малеинова. Может, мальчишка с ними?

— Может быть...

— Возвращайся-ка, Коля, вниз. Если нужно, возьми с собой двух-трех ребят.

— Ребята мне не нужны, я сам пойду.

— Сам так сам, — согласился Сидоренко, — а мы тебя подождем возле скального гребня.

Все больше портилась погода. С запада навалился туман. Моренец быстро спускался вниз, осматривая на пути каждый след. Но что это? Он увидел едва заметные следы, уходившие в сторону от тропинки. Коля пошел быстрее и вскоре под большим серым камнем нашел мальчика, до половины засыпанного снегом. Это и был Ваня. Лицо в ссадинах, глаза опухли, щеки побелели, руки как-то странно скрючены на груди.

— Ваня! Ваня! — тормошил его Николай. — Скорее вставай, замерзнешь.

— Кто, я?! — удивленно прошептал Ваня и сразу же схватился за щеку.

Моренец быстро достал из рюкзака теплые вещи, натянул на мальчонку и принялся растирать ему щеки.

— Ноги, как у тебя ноги?

— Шевелятся... — Ваня помолчал, потом заговорил снова: — Эх и сон же перебили, товарищ инструктор! Лежу я в теплой кровати, а мне чай подают с малиновым вареньем. Такая благодать!

— Какая там благодать! — перебил его Моренец. — Ведь ты, дурачок, замерзал.

Ваня непонимающе уставился на инструктора.

— Ты не смотри так на меня, — продолжал Моренец. — Вставай и разминайся.

Мальчик немного пришел в себя и стал показывать, как на ледовом склоне его обдало снежной пылью от лавины, как он с перепугу бросился в сторону, поскользнулся и упал. Пролетел вроде и немного, а когда пришел в себя, над ледником уже висел густой туман.

— Тут я и потерял из виду нашу колонну... Посидел немного, перевязал разбитую руку и пошел догонять наших. Добрался до этого камня и почувствовал: если не посплю — шагу не сделаю.

Пока Ваня рассказывал о своих злоключениях, Моренец не сводил с него глаз. Его серьезно беспокоил вид мальчишки: не по летам повзрослевшее лицо и безразличные синие-синие глаза. Ваню нужно немедленно подымать.

— А идти сможешь? — уточнил Моренец. — Чего молчишь? Говори как есть!

— Не знаю, кажется, могу, — растерянно прошептал Ваня.

Перед тем как поднять мальчика, Моренец оглянулся. Вокруг никого не было. Туман сплошной пеленой висел над ледником и ближайшими скалами, до неузнаваемости искажая все, что совсем недавно виднелось вокруг.

— Ваня, а почему ты один? Где твои родные?

— Мать до войны умерла, отец погиб на фронте, под Северным Донцом, — ответил мальчик.

Моренец осторожно дотронулся до Ваниного плеча:

— Вставай, пошли, дружок, ты не один...

У мальчика потеплели глаза. Он уперся руками в ко-

лени, нагнулся и почувствовал такую слабость, что ему стало не по себе: а вдруг не поднимусь?

Тишина нависла над горами. Только изредка откуда-то сверху долетали приглушенные выкрики людей. Ваня еще раз нагнулся, теперь уже без стеснения, опираясь на плечо Моренца, поднялся и, пошатываясь, пошел с инструктором.

Тем временем колонна Сидоренко подходила к седловине — понижению остроконечного гребня между двумя его вершинами.

— Наверное, уже перевал? — все чаще и настойчивей сыпались вопросы.

— Теперь скоро, совсем скоро, — подбадривал инструктор, показывая на видневшуюся вдалеке снежную седловину.

3300... 3370... И наконец высотомер показал 3375 метров над уровнем моря. Тут перевальная точка, с которой начинается спуск в долину реки Долры и дальше — к морю. Кто-то уже на гребне машет ледорубом и кричит изо всей силы:

— Пе-ре-вал! Ура! Ура-а!

К скальному гребню подходят люди. Словно изваяния, стоят они над облаками, суровые, усталые, даже не замечая их красоты.

А вокруг действительно чудесно. Куда ни глянешь — горы и горы. На северной стороне — Эльбрус, самая высокая гора в Европе. Он был виден отовсюду, и, как всегда, его купола сверкали белоснежными шапками. В разрыве облаков виднеются крутые отвесы Когутай-баши, скальная гряда Донгуз-Оруна, Северный Приют, бегущие из-под льда потоки, моренные валы, возвышающиеся над ледником на многие десятки километров. А на юге — озаренные солнцем вершины и ледники группы Квиш, Сванский хребет.

Наконец-то добрались до гребня и Моренец с Ва-

ней. Увидев инструктора с мальчиком, люди облегченно вздохнули. Николай обнял мальчика, показал на одинокого орла, который гордо парил над скалами.

— Говорил я тебе, Ваня, что в горах орлы водятся, — сдвинув с глаз очки, сказал Моренец. Потом немного помолчал, посмотрел на мальчика и спросил: — Генриха Гейне знаешь? Был такой великий немецкий поэт.

— Слышал, — улыбается Ваня.

А Моренец, как бы вспоминая, начал вдохновенно читать:

...На горы круто взбираясь,
вздыхаешь ты, как старик.
Но если достигнешь вершины,
орлиный услышишь там крик...

— Ты что это, Николай, в поэзию ударился? — окликнул Сидоренко.

Сашин голос вернул Николая к действительности.

— Что ж, Ваня, нужно идти дальше.

Перевал Бечо совсем близко. И минут через двадцать по всей колонне снова волной прокатилось:

— Перевал! Перевал!

Радости не было границ. Навстречу утомленным тяжелой дорогой людям спешили солдаты, наши солдаты с красными звездами на шапках.

— Наши! Наши! — радовались и старые и молодые.

Тут проходил передний край. В скалах — блиндажи, пулеметные гнезда, ящики с патронами, взрывчатка. Наши горноальпийские отряды, которые будут защищать Главный Кавказский хребет, окопались здесь.

Прыгая по камням и обгоняя друг друга, к людям бежали здоровенный старшина и высокий, в меховой куртке, лейтенант. Не отставая от них, спешили и другие защитники перевала. Они шумно приветствовали всех, на ходу сбрасывали полушубки, шинели.

— Ребята, примите девчонку, — кричит осипшим го-

лосом Одноблюдов, несший на руках черноглазую девочку.

— Давай, браток, скорее...

Люди кричали, смеялись. Не менее взволнованы были и солдаты. Старший сержант, на вид хмурый, стоял, прислонившись к скальной стене, держал на руках веснушчатого мальчишку и кормил его кашей из котелка.

— Ешь, ешь, сынок, — а у самого на глазах слезы.

Детей брали к себе другие солдаты. Они кутали малышей в овчинные полушубки, поили теплым чаем, оделяли хлебом, сухарями, женщин устраивали в блиндажах между высокими камнями, где меньше дуло.

Неожиданная встреча на четырехкилометровой высоте, видимо, напомнила солдатам о родном доме, семье, близких...

— Ешьте, ешьте, не стесняйтесь.

Солдаты доставали кружки, котелки, консервные банки, открывали их ножами, резали сало мелкими ломтиками. Проголодавшиеся дети, словно зверьки, набрасывались на еду. Некоторые из них так и засыпали с куском хлеба или сухарем в руках...

На перевале холодно. В горах зима бывает и летом, бывают в горах и все четыре времени года в один день. Там, внизу, в развилке Баксана, стояло жаркое лето, на Северном Приюте — поздняя осень, а на перевале Бечо — самая настоящая зима, в то время как за хребтом — в полном разгаре весна.

Четыре часа дня, а на перевале все не утихают возбуждение и шум. Укрывшись в скалах, сидят в подшитых валенках два солдата и инструктор Малеинов и о чем-то оживленно переговариваются с окружившими их школьниками.

— Значит, будем спускаться на Южный Приют? — спросила невысокая, лет двенадцати девочка, в серой шапочке с длинной черной косой.

— Другого пути нет, — Малеинов приподнялся и, упершись ногой в большой камень, поднял ледоруб. — Видите, зелень?

— Видим, видим, Алексей Александрович! — воскликнула худенькая девочка.

— Так вот, туда, к ущелью реки Долры, мы и будем держать путь. Там хорошо, тихо, много душистых альпийских цветов, густые пихтовые леса, нарзан в долинах, птицы поют, и почти до самой зимы светит ласковое южное солнце.

Ребята сидели не двигаясь, стараясь не пропустить ни слова.

— Так начинается сказочная Сванетия, — продолжал Малеинов, — край древних башен и храбрых охотников...

Когда рассказчик сделал короткую паузу, сидевший поблизости безусый голубоглазый парень в черной лохматой шапке приподнялся и начал приглядываться к отвесным скальным башням, проглянувшим за хребтом. Потом, на минуту оторвавшись от манящего пейзажа, спросил:

— Что там за вершины?

— Шхельда, Бжедух, Ушба... Только увидим их после Южного Приюта.

— Увидим Ушбу?! — удивленно переспросила девочка в черном платке. — Легендарную Ушбу? Расскажите нам о ней, вы же обещали, еще на Северном Приюте.

— Вижу, деваться некуда, придется выполнить обещание. — Алексей придвинул к себе рюкзак и поудобней уселся на нем. — Тогда слушайте и не перебивайте.

Рассказывают, что богатырь Амиран, герой сванских легенд, был навеки прикован к вершине Ушбы за то,

что, подобно Прометею, восстал против бога, неся свет и волю народу.

К огню Амирана старались проникнуть отважные юноши Сванетии, но каждый раз, когда смельчаки отправлялись в дальний и тяжелый путь, что-нибудь мешало им достичь вершины. То ущелье, которое ведет к Ушбе, вдруг смыкалось перед юношами, словно ворота закрывались, то вырастала каменная стена такой высоты, что тучи плыли ниже ее, то девы душили смельчаков в лавинах, сбрасывали в пропасти, только дьявольский посвист разносило ветром по ущельям, где тогда жили сваны-охотники. Это место, по преданию, было заколдованным, все его боялись. Вслушиваясь в завывание ветра, матери шептали детям: «Тише, Ушба гневается». Имя ее стало синонимом страха. Перед тем, как схватиться за кинжал, сван бросал обидчику. «Чтобы ты очутился на Ушбе!»

Прошли годы. Как-то вечером горцы, собравшись на окраине селения Ушхванари, увидели в просвете ущелья что-то необычайное «Нарьи! — Свет!» Свет вспыхнул высоко в небе, выхватив из мрака грозные башни в черной одежде скал и белой манишке вечных снегов.

Дети да и взрослые слушают затаив дыхание.

— А что это за свет? — смешно взъерошивая пальцами черную бороду, вдруг спросил до этого молчавший плотник из Тырныауза.

— Это был огонь фотопленки, зажженный рукой советского человека, покорившего Ушбу. Первыми на ее вершину вступили Алеша Джапаридзе, его сестра Александра и двое местных горцев. Они обещали в случае успеха зажечь на вершине огонь. Вот смельчаки и выполняли свое обещание. Радости сванов не было конца. Они встретили альпинистов после восхождения как героев, и долго не смолкали песни и пляски на озаренной светом поляне.

Алеша сделал паузу и задумчиво сказал:
— Сваны говорят, что настойчивость и храбрость всегда несут с собой радость и свет...
— Правильно говорят, — кивнул головой старый плотник и хотел еще о чем-то спросить, но его опередила одна из девочек. Зажмурив глаза, она спросила:
— И вы бывали на этой страшной горе?
— Бывал.
— Один?
— Зачем один? На Ушбе бывали и мои друзья-альпинисты Сидоренко, Одноблюдов.
— Страшно было?
Люди внимательно смотрели рассказчику в лицо и с нетерпением ждали новых подробностей покорения Ушбы. Ждала и Галя, та самая девочка, которая больше всех досаждала Алеше вопросами. Она еще выше подняла плечи, втянула голову в воротник, но Алеша уже не отвечал. Он спал.
— Только начал самое интересное и заснул!..
— Чего удивляетесь, устал человек, — укоризненно заметил девочке чернобородый шахтер, достал табак и закурил. — Целый день на ногах: то вверх, то вниз.
Подошел Сидоренко и стал толкать Алексея.
— Очнись, дружище! Сейчас выходим!
Алеша вскакивает, будто подброшенный пружиной, и кулаками растирает заспанные глаза.
— Ах да... Так на чем я остановился?
— Досказывать будешь другим разом, — сказал ему Сидоренко, — а теперь пора в путь. Видишь, погода портится, туманит и ветер дует в спину.
Кто-то хриплым голосом сказал:
— Через десять минут выходим.
Пришло время сборов и прощания с бойцами.
— Счастливой дороги! Ни пуха вам, ни пера!..
Взволнованные солдаты стоят на гребне, машут ру-

ками, рукавицами, шапками. Свободные от нарядов идут со стариками, женщинами, детьми, помогая альпинистам спускать их с перевала. Солдаты далеко идти не могут, у них своя служба. И они прощаются. Вдогонку звучат добрые напутствия, сердечные слова:

— Идите спокойно, фашистов мы сюда не пустим.

В голове колонны Моренец. Он немного спустился с перевального гребня, потопал по рыхлому снегу ботинками, подкованными триконями, и сказал:

— Можно идти.

С крутого перевала стали спускаться группы одна за другой. В числе первых идут семьи Чуфанова, Гудимы. Георгий Федорович Гудим спешит уйти с первой партией. Ведь он будет начальником Южного Приюта. Ему принимать эвакуированных, успеть до прихода второй и третьей групп расставить палатки, переговорить с проводниками-сванами. Ведь людей нужно будет вести дальше по Ингурской тропе, к морю.

Идет семья Одноблюдова — Мина Фадеевна несет Танюшу в рюкзаке. Следом поднимаются две радистки из горноспасательной станции, закадычные подруги Мины Фадеевны; невысокая, стройная Мария Ромашина с маленьким Витей на руках и Зоя Олерова, веселая, подвижная. С отцом идет уже взрослая Оля Кормилина, дожевывая на ходу вареное мясо.

К вечеру стало холоднее. Резкий, пронзительный ветер долго гнался за людьми, хлестал по лицу, словно напоминая, что идти нужно быстрее и поменьше останавливаться.

Тропа вниз была крутой. Каменная осыпь почти отвесная, вся укрыта снегом. Приходилось съезжать по ней вниз, как солдатам в известной картине Сурикова «Переход Суворова через Альпы». Особенно опасным оказался участок ледника перед выходом на тропу. И тогда опять прокатилось по колонне:

— Трещины! Внимание — трещины!

В одном месте, где было особенно опасно, Одноблюдов остановился. Он сразу увидел: трудно здесь будет перебираться. Подошел Виктор Кухтин, у него была веревка.

— Возьмем немного левее, Витя.

Через минуту они нашли снежный мост, натянули над трещиной веревочные перила. А когда пошли женщины и старики, альпинисты их подбадривали:

— Идите смелее, смелее. Тут безопасно.

Когда вышли наконец на скалы, кто-то из шедших впереди, крикнул:

— Самолет!

Самолета еще не было видно, но назойливый гул долетал до скал, к которым прижались люди...

— Дяденька альпинист, правда, это наши? — послышался встревоженный голос девочки.

— Конечно, доченька, наши, — пытался успокоить ребенка Одноблюдов.

Словно подтверждая слова начальника перехода, в просвете облаков показался самолет. Все увидели на крыльях красные звезды и с облегчением вздохнули. А Оля Кормилина захлопала от радости в ладоши.

— Ну, что я тебе говорила? — не оборачиваясь, звала свою подругу, одноклассницу Олю. — Откуда здесь взяться фашистскому самолету? А ты все про какую-то «раму» болтаешь.

— Снова завелись, сороки? — услышав разговор, отозвался Моренец.

Девочки смутились и опрометью бросились догонять остальных.

День клонился к вечеру, а до Южного Приюта добрых два часа ходьбы, к тому же и погода не улучшалась. Не успел скрыться за Сванским хребтом краснокрылый «ястребок», как небо снова затянуло тучами и

вокруг стало серо-серо: казалось, что, кроме тумана, ничего вокруг не было. Пошел мелкий, противный дождь со снегом. Выходить на открытый склон рискованно. Моренец расстегнул рукав штормовки и посмотрел на часы: без десяти восемь.

— Скоро темнеть начнет.

— А разве безопасней оставлять людей на склоне? — вслух рассуждал Одноблюдов. — В темноте нетрудно и в пропасть сорваться.

— Согласен с тобой. Значит, идем?

— Идем без всяких разговоров, — поправив лямки рюкзака, Юрий посмотрел на небо. — Видишь, Коля, облака поднимаются, а это признак улучшения погоды.

Начальник похода не ошибся. Вскоре немного распогодилось. Дождь утих, люди смогли идти быстрее. Близость Южного Приюта придавала им сил.

Часам к девяти каменистая тропа вывела на широкую площадку, которая некогда была ложем огромного ледника. По ее каменистой поверхности текли, обгоняя друг друга, горные потоки, разные по ширине и глубине. Но все они одинаково быстро неслись вниз, с грохотом перекатывая и перемешивая камни. Вместе с другими потоками ледника Квамп они, словно сговорившись, впадали в Долру.

Мостов не было. Альпинисты отыскивали мелкие и безопасные места, сами шли первыми, за ними — все остальные. Двигались небольшими группами, поддерживая друг друга. Подошла к реке с двумя маленькими детьми и работница обогатительной фабрики Анна Власьевна Анипченко. Старшего Женю она держала за руку, а младший Витя сидел у матери за спиной. Чтобы ребенок не свалился в воду, мать привязала его к себе полотенцем. На склоне Витя сидел молча, но, как только мать заходила в воду, он пугался шума реки и плакал.

У переправы оказался Моренец.

— Дайте одного, — сказал он женщине.

— Куда же с таким рюкзаком?

— Ничего. — И Николай взял из рук оторопевшей женщины сначала одного ребенка, а затем другого и осторожно перенес их через бурлящий поток...

Когда позади остался последний брод, вспыхнули над головой первые звезды. Ночь в горах наступает моментально. Как только солнце скатится за гору, землю словно кто-то накрывает черным шатром.

Последний участок травянистого склона люди проходили уже в сплошной темноте. Только где-то внизу слабо светился огонек. И все смотрели на него, как на спасительный маяк.

— Только бы не сбиться с пути!

— Все будет хорошо, — успокаивали альпинисты. — Места здесь знакомые, хоженые. Справа, метрах в двухстах, где впадает Квиш в Долру, стоит деревянный домик, это и есть Южный Приют. Там будем ночевать.

Наконец показалась небольшая лужайка и домик на ней. У костра стояли вооруженные сваны. Один держал в руках курдюк с айраном — кислым молоком, другой с хрустом ломал сухие ветки и подбрасывал их в огонь.

Южный Приют... Здесь на высоте 2238 метров над уровнем моря было тепло. Усталые, измученные люди падали на траву. Спали кто на чем, прямо под открытым небом. Только детям и больным альпинисты поставили несколько палаток. Хотя люди и не успели отдохнуть, но, как только солнце поднялось над горизонтом, снова двинулись в путь, вниз к Черному морю. Хотели попрощаться с альпинистами, поблагодарить...

— Опоздали, — объяснили проводники-сваны, — они уже давно ушли за следующей партией!

ФЛАГИ НАД ЭЛЬБРУСОМ

В рассветной голубизне неба клубились тучи, и даже легкий ветер обдавал несвойственным для августовских дней холодом.

По ночам крепко подмораживало. Осенние лужи покрывались льдом. Все чаще падал снег. Внизу в ущельях он не задерживался, быстро таял, а наверху, за Куриной грудкой, где не стихали частые ветры, весь горизонт подчас застилало сплошной пеленой.

Девятнадцатого августа в третий раз Малеинов и Двалишвили поднимали к перевалу женщин, стариков и детей. Перед самым перевалом небо затянуло тучами. С ледника Квиш подул сильный ветер, и по гребню пробежала волна холодного воздуха. Пошла ледяная крупа, а вскоре началась гроза.

— Что это, Алексей Александрович? — испуганно спросила инструктора женщина с перевязанной щекой. Притягивая к себе детей, Варвара Петровна Кирсенко вдруг заметила, как у них загудели пряжки и латунные пуговицы на пальто.

— Не волнуйтесь, Варвара Петровна, — успокаивал ее инструктор, — гроза, и от электризации воздуха «поют» металлические предметы, уходите под скалы.

За семьей Кирсенко шли две подруги из управления комбината: счетовод Мария Каптелова и нормировщица Катя Шаповалова. У высокой, стройной Марии ребенок

на руках. Она часто останавливается и с тревогой поглядывает на завернутого в одеяльце маленького сына, что-то шепчет ему и идет дальше, погруженная в свои невеселые думы.

— Что с тобой, Маша? — послышался за шумом ветра голос подруги. — У тебя волосы шевелятся, сыплются искры, вроде бенгальских огней?

Катя Шаповалова страшно испугалась за подругу. Она не чувствовала, что и с ее головой творится что-то неладное, шевелятся волосы и светятся странными огоньками...

— Ничего страшного, просто немедленно все под скалы! Сколько можно повторять одно и то же! — кричал Малеинов.

Гроза не стихала. Внезапно откуда-то послышалось странное жужжание.

— Дядя инструктор, неужели и тут шмели водятся? — спросил кто-то из мальчишек.

— Какие там шмели?..

Вблизи все увидели маленький, немногим меньше теннисного, огненный шарик. Он катился по длинному гребню. Женщины, прикрывая собой перепуганных детей, невольно прижались к скалам.

Шарик, словно колобок, неуклюже переваливаясь по гребню, катился к острому выступу, вдруг ярко вспыхнул и со страшным треском разорвался. Это была шаровая молния, даже для гор редкое явление.

Немало усилий приложили Малеинов и Двалишвили, пока успокоили людей, а затем спустили их с перевала.

Проходили дни. Все трудней и трудней стало вести группы через перевал Бечо. Зачастили снегопады. По утрам на подходах к моренному гребню по плащ-накидкам, капюшонам штормовок барабанила ледяная крупа, а чуть выше, на самом леднике, валил снег и быстро заметал дорожки, с таким трудом проложенные аль-

пинистами. Местами снегу наметало столько, что и взрослым было по самый пояс. Особенно много его скапливалось возле Куриной грудки. И тогда на этом месте шли лавины... Раздавалось зловещее шипение, протяжный и какой-то приглушенный свист. Происходило это в какую-то долю секунды. Люди падали, кричали, но их крики тонули в грохоте.

К счастью, лавины в большинстве своем проходили стороной и лишь обдавали людей холодным дыханием и снежной пылью. Однажды лавина захватила небольшую группу школьников и, протащив их метров тридцать, остановилась. Когда снежная пыль немного осела, все увидели детей. К счастью, пятеро мальчиков были здоровы и невредимы.

Стрелка барометра резко падала. Что ни день — снег или град. Иногда, пережидая непогоду, приходилось подолгу отсиживаться в пещерах под камнями.

Однажды к вечеру уже привычный скрип снега под сотнями ног стал глуше — мороз спадал. Но вскоре в помутневшем воздухе послышался гул надвигающейся снежной бури. Тогда начальник перехода решил не рисковать и устроил ночевку под перевалом. Возле каждой группы людей он выставил дежурных, которые следили за тем, чтобы участники перехода не обморозились, а главное, не уснули бы.

Трудный день выдался и 25 августа. Когда одна из групп вышла из Северного Приюта, было тихо и безоблачно. Часа через два погода резко изменилась: небо с запада затянулось слоистыми облаками, которые стали быстро сгущаться. Подул сильный ветер. К полудню он достиг наибольшей силы. Его внезапные порывы поднимали массу снежной пыли, и на некоторое время все исчезало перед глазами. Стало темно.

— Кажется, снова метель начинается, — едва переводя дыхание, сказал Кухтин начальнику перехода.

— Похоже, что да. Чертова погода!

Люди шли, скорее ползли, в глубоком снегу, задыхаясь, ни на шаг не отпуская от себя детей.

— Только бы не сбиться с пути!..

Спокойный, с обожженным на ветру лицом, начальник перехода скорее угадал эти слова, чем услышал их в завывании ветра. «Не собьемся, Виктор!» — хотел он прокричать на ухо Кухтину, но вдруг увидел, что в действительности они уклонились вправо.

— Передай по цепочке всем, чтобы не растягивались и не отставали.

Впереди послышался чей-то голос:

— Следы, товарищ начальник!

По глубокому снегу тянулись еще свежие следы.

«Видно, прошла группа Сидоренко и Моренца, надо держаться этих следов», — подумал про себя Одноблюдов и не ошибся. Действительно, головная часть этой группы уже подтягивалась к седловине гребня.

Шедший в голове колонны Моренец волновался. Он понимал, что в такую метель людскому голосу не пробиться сквозь воющий ветер, и люди легко могут потерять связь друг с другом.

— А что, если просигналить фэдовской пленкой? — тронул Моренец за плечо подошедшего Сидоренко.

— Что ж, неплохая идея, Коля. — И, привалившись к ледорубу, Сидоренко достал из рюкзака дюралевый котелок с пакетиками черно-белой пленки.

К небу взметнулось яркое пламя. Вскоре на него стали выходить и остальные группы...

И так изо дня в день пятнадцать-двадцать километров с Северного Приюта на Южный и столько же обратно, с новыми и новыми группами женщин и детей — по пятьдесят-шестьдесят человек на инструктора, в том числе по десять-пятнадцать детей до трех лет.

Весь август шла эвакуация гражданского населения Тырныауза. 2 сентября через перевал Бечо прошла последняя партия. Это был, наверное, самый трудный и самый тревожный день для альпинистов и для тех, кого они сопровождали через перевал.

Тревожным потому, что в этот день крупный отряд егерей из горноальпийской дивизии «Эдельвейс» снова завязал бои у Терскола, в пятнадцати километрах от Северного Приюта (Бечо). Трудным был день по метеорологическим условиям. Накануне всю ночь шел не переставая дождь, а на леднике снег. Утром, как только небо прояснилось и выглянуло из-за туч солнце, люди принялись сушить промокшую одежду.

Только развесили белье, как появились «фокке-вульфы». На этот раз летели они не со стороны Учкулана, а откуда-то правее. Фашистские летчики, видимо, чтобы сбить с толку посты противовоздушной обороны, пролетели Баксанское ущелье с выключенным зажиганием.

— Неспроста крадутся, — подумал Сидоренко и распорядился всех увести под скалы.

Началась бомбежка. Одна из бомб пробила деревянный навес, под которым стояла полевая кухня, другая упала рядом с палаточным городком, но не взорвалась.

Бомбежка усиливалась. Все ближе к скалам рвались бомбы. Осколки, куски земли, щебень ударялись о скалы и отлетали в сторону. Свистели пули. Немцы пустили в ход и пулеметы. Обстреляв раз, сделали еще один заход над Приютом и исчезли так же внезапно, как и появились.

К счастью, во время налета «фокке-вульфов» никто не пострадал, так как альпинисты вовремя увели в укрытие женщин и детей. Но трудности и опасности только начинались. Ледник был сплошь завален снегом, свежим, рыхлым и глубоким. Шедшим впереди альпинистам ничего не оставалось, как заново пробивать тропу.

Колонна двигалась медленно. Люди задыхались от нехватки воздуха и часто проваливались в глубокий снег. А когда кто-нибудь не мог самостоятельно подняться, колонна останавливалась, и тогда несколько человек вместе с альпинистами молча вытягивали обессилевшего и снова заставляли его идти.

Свыше двух часов двигалась колонна по леднику. Вдруг Сидоренко, шедший в голове колонны, остановился. Его ледоруб по головку ушел в снег, не достав льда. Он вытащил его, отошел в сторону и снова прозондировал ледорубом. «Так и есть, — подумал Саша про себя, — трещина». Ледниковую трещину замело, перекрыло снежным настом. А насколько она широкая, глубокая — никто не мог знать.

— Будем обходить.

Сидоренко сбросил с плеч рюкзак и отправился осматривать ледник. Вскоре он заметил плоский и гладкий камень и вспомнил, что именно он служил ему в прошлый раз ориентиром. Вернувшись назад, он взял рюкзак и теперь уже уверенно повел женщин и детей.

По пути Сидоренко часто отходил в сторону и наблюдал за продвижением колонны. В два часа дня участники перехода прошли ледник и вышли на Куриную грудку. Пройдя немного вверх по склону, Сидоренко остановился и подозвал к себе Моренца.

— Не нравятся мне эти камни, — заметил он. — Чует мое сердце — ненадежно они лежат. Могут съехать со склона, вызвать лавину.

И вдруг... лежавшие на склоне камни вместе со снегом пришли в движение. Страшный грохот заставил людей вздрогнуть. Голову колонны обдало снежной пылью и волной холодного воздуха. Сидоренко сразу понял: лавина.

— Стоять, не двигаться! — крикнул он, но его голос потонул в нарастающем гуле.

К счастью, лавина оказалась небольшой. Когда снежная пыль улеглась, Сидоренко и Моренец пересчитали людей: все оказались на месте. Можно идти дальше.

Прошли Куриную грудку, и снова начала портиться погода. Поднялся ветер, холодный и резкий. Он обжигал лицо и забирался под ветхую одежду. Мерзли все: и взрослые, и дети.

Не доходя скальной гряды, Сидоренко увидел солдат. Они быстро спускались навстречу. Солдаты брали детей на руки, прятали их в свои полушубки, согревали дыханием и несли к блиндажам.

Дав людям немного передохнуть, отогреться, альпинисты спустили их на Южный Приют и через день с проводниками-сванами отправили дальше, в долину реки Ингур.

— Кажется, все, — с облегчением вздохнул Моренец.

— Все, да не совсем, — поправил Николая Юрий. — Где-то внизу, в Тегенекли, Чирков, Чепарин и другие руководители комбината.

— Придется и за ними идти через перевал?

— Ничего не поделаешь, надо, — продолжал Одноблюдов. — Остается только решить — кому из нас троих идти. Двалишвили ушел с людьми вниз. Держать его больше нельзя. И так мальчишке в его шестнадцать лет изрядно досталось. Малеинова и Кухтина перед вашим приходом срочно пришлось направить в штаб к генералу Леселидзе. Намечается передислокация частей. Говорят, немцы из Домбая нажимают.

Обстановка в горах действительно усложнилась. Имея большой перевес в живой силе и технике, перешли в наступление части первой и четвертой горнострелковых дивизий генералов Ланца и Эгельзеера, укомплектованные тирольцами, для которых горы были родной сти-

хией. Они потеснили наши войска в Баксанском ущелье, захватили Клухорский, Марухский и Санчарский перевалы. Передовые отряды альпийских стрелков проникли в район селений Гвандра и Клыджа и стали продвигаться к морю по реке Бзыби. Немецких егерей уже видели у озера Рица — в сорока километрах от Сухуми...

Командование Закавказского фронта начало формировать из альпинистов специальные горнострелковые отряды. В один из таких отрядов были направлены Малеинов и Кухтин, а позже и другие альпинисты.

— Ну что ж, мы с Сашей и пойдем через перевал, — вызвался Моренец, — нам не привыкать. Когда надо выходить?

— Лучше не медлить.

— Мы готовы, — за себя и за Моренца ответил Сидоренко.

Собирались быстро. Захватив с собой по банке сгущенного молока, сухарей, отправились в путь.

Над ущельем низко плыли облака. Гремело. Пережидать непогоду времени не было. Через несколько минут торчащие за спиной тяжелые рюкзаки альпинистов исчезли за поворотом скальной гряды.

Однаблюдов ждал своих друзей 3 сентября. Прошло третье, четвертое, а от Сидоренко и Моренца никаких вестей.

«Что с ними? Где они?» — все больше беспокоился Одноблюдов. Ночью он часто просыпался, тревожно прислушивался, но, кроме завывания ветра, ничего не слышал. Неужели с дороги сбились или натолкнулись на заставу гитлеровцев? Что-то не похоже на них. Ребята смелые, осторожные, не первый день в горах...

Вечером четвертого сентября Одноблюдов сел на коня и в сопровождении двух сванов-охотников уехал в Местию. Через несколько дней в штабе горнострелковой дивизии Юрий получил боевое задание: с отрядом

восьмого полка войск НКВД подойти к перевалу Чипер-Карачаю, занятому немцами еще 15 августа, выставить вооруженные заставы на основных высотах, перекрыть фашистским егерям путь к ущелью реки Ненскры и дальше на юг, к Черноморскому побережью.

Отряд Одноблюдова укрылся в удобной лощине на отдых. Оставив здесь палатки и часть продуктов, отряд разбился на мелкие группы и стал подниматься вверх. С травянистых склонов вышли на моренный гребень, а затем на скальную гряду безымянного перевала восточнее Чипер-Карачая. Видимость была отличная, и вскоре разведка сообщила о появлении неприятеля.

Большой отряд гитлеровцев, ничего не подозревая, спокойно поднимался по леднику. Заняв удобную позицию, наши солдаты внезапно открыли сильный огонь. Одноблюдов же с группой бойцов зашел с фланга и смелым броском сбил гитлеровцев с тропы. Оставляя убитых, бросая оружие и вьючных мулов, немцы в панике побежали...

Тогда же под перевалом Чипер-Карачай до Одноблюдова дошли слухи об автомобильной катастрофе в Баксанском ущелье, в которой погибли Сидоренко и Моренец. С тяжелым сердцем возвращался Юрий с боевого задания.

Наступили ноябрьские дни.

В штабе 242-й горнострелковой дивизии на стене висела большая карта. Полковник Курашвили прошелся карандашом по Главному Кавказскому хребту и, повернувшись к лейтенанту Одноблюдову, инспектору горнолыжной подготовки дивизии, сказал:

— Будем выходить к перевалу Донгуз-Орун, на смену шестьдесят третьей кавдивизии и других частей тридцать седьмой армии, уходящих из Баксанского ущелья.

...Начавшийся с вечера снегопад к утру замел дорогу, проложенную саперами. К полудню, а это уже было

6 ноября, ветер немного утих, но с неба еще сыпала мелкая снежная пыль.

Находившийся на перевале Одноблюдов заметил, как вдали из тумана медленно выплывали, словно призраки, люди. То были кавалеристы генерала Белошниченко.

Под вечер Одноблюдов заметил еще одну группу солдат. В отличие от других — все в кожушках, обожженные солнцем и ветрами. Впереди отряда, прихрамывая, шел широкоплечий мужчина.

— Товарищ лейтенант! Не узнаете?

Одноблюдов замер от неожиданности. Перед ним стоял Сидоренко в знакомой вязаной шапке, из-под которой смотрели усталые, запавшие глаза.

— Ты что, с того света?

Сидоренко подошел к скальному гребню, присел, закурил и, глубоко затянувшись папиросой, стал рассказывать историю своего загадочного исчезновения.

...На Северном Приюте Моренец и Сидоренко никого не застали. Чиркова, Чепарина и других руководителей комбината они встретили лишь вечером в Верхнем Баксане.

— На ловца и зверь бежит, — обрадовался парторг ЦК. — Знаете, как вы сейчас нужны!

В верховьях Баксана находились части 37-й армии, у которых уже не было ни боеприпасов, ни техники, и военный госпиталь с сотнями раненых бойцов. Частично действовал и комбинат в Тырныаузе. В горах бродили большие стада коров, табуны лошадей, отары овец. Все это нельзя было оставлять врагу. Требовались специалисты для эвакуации через перевал раненых, отступающих войск, оставшейся техники и для перегона скота.

— Вам нужно ехать в штаб дивизии, — предупредил начальник комбината Чирков, — дорога каждая минута. Учтите, фашисты вблизи Тырныауза. Об этом час тому назад мы узнали от генерала Купарадзе.

— От полковника Купарадзе.

— Генерала, товарищ Сидоренко, — поправил его начальник комбината. — Это звание ему присвоили всего несколько дней назад...

Альпинистам дали грузовую машину, и той же ночью они двинулись по ущелью. Ехали быстро, с выключенными фарами. На крутом повороте, где небольшая горная речушка Кызылкез впадает в Баксан, полуторку занесло, и она на полном ходу врезалась в противотанковые надолбы. Шофера ранило, а прикорнувших в кузове альпинистов выбросило на камни горной дороги.

На рассвете солдаты с бронетранспортера, проходившего той же дорогой, сбросили разбитую машину в Баксан, а раненых альпинистов и шофера доставили в тырныаузский госпиталь.

Однажды во время утреннего обхода дежурный врач недосчитался двоих больных, койки которых стояли у окна. Не появились беглецы и на другой день. Пошли различные слухи. Одни говорили, что двоих офицеров убило при бомбежке, другие утверждали, что видели альпинистов у комдива Купарадзе.

Альпинисты действительно побывали у комдива. Поговорив по душам с «беглецами», генерал распорядился: Сидоренко направить с капитаном государственной безопасности через перевал Актапрак в Нальчик, а Моренца — на Донгуз-Орун к инженер-майору Кулешову.

В ночь на 6 ноября начался отход наших войск с Баксанского ущелья. В горах уже стояла зима, на склонах лежал глубокий снег, а на перевалах бушевали метели.

В тяжелых условиях наступившей зимы нашим войскам предстояло перейти через Главный Кавказский хребет. В дивизии генерала Купарадзе насчитывалось пять тысяч бойцов, в том числе свыше трехсот тяжелораненых. Для этого необходимо было во что бы то ни стало проложить широкую тропу на перевал Донгуз-

Орун. В те самые дни, когда Моренец пробивал дорогу через Донгуз, Сидоренко был назначен главным проводником «Группы 80», которая должна была подняться на Эльбрус и снять с вершин немецкие штандарты. Группа была сформирована из восьмидесяти бойцов различных подразделений 37-й армии. В состав группы вошли нальчикская альпинистка Любовь Кропф и австрийский коммунист, участник известного шуцбундовского восстания 1934 года в Вене Руди Шпицер.

Но подняться выше отметки «4200» группа не смогла: порывы ветра, буран валили с ног, в двух метрах ни зги не видно. Бойцы без специального обмундирования обморозились, некоторые теряли ориентировку, другие задыхались на высоте. Двигаться дальше — значило идти на верную гибель, но и отсиживаться на леднике без теплых вещей тоже было безумием. И отряд повернул вниз. Но когда «Группа 80» спустилась в Баксанское ущелье, там было подозрительно тихо. Оказалось, что в районе селений Эльбрус и Тегенекли уже нет наших войск. Посоветовавшись, командир группы и Сидоренко решили выходить к перевалу.

Продираясь густыми кустарниками, выбрались к домику бывшего ветеринарного поста, где и пробыли несколько дней. Только в первых числах ноября поднялись вверх по реке Донгуз-Орун. Сидоренко вывел отряд на заснеженный ледник. Два часа ходу по извилистой тропе — и перевал. Там, у скальной гряды, и встретились Сидоренко и Одноблюдов. От Одноблюдова Сидоренко узнал, что в горах Кавказа спешно формируются из альпинистов специальные горнострелковые отряды. Но тогда не мог он еще знать, что все альпинисты попадут в 242-ю горнострелковую дивизию. Не мог Сидоренко предполагать, что вскоре свидится с Малеиновым, Кухтиным и Моренцом, теперь, как и он, лейтенантами Советской Армии.

После неудачной попытки подняться на Эльбрус Сидоренко получил приказ спуститься в Местию — административный центр Сванетии. Шел не спеша, стуча триконями ботинок по единственной вымощенной улице, и думал о предстоящей службе в горнострелковых частях. Вдруг слышит, кто-то его окликает:

— Сидоренко! Саша! Откуда, черт тебя побери?!

Оглянулся — за спиной никого. Глянул в сторону — средневековая сторожевая башня, каких немало в Верхней Сванетии. Возле башни машина без колес, с открытым капотом и рядом — костер. На жаровне дымится баранина. Подошел ближе и не поверил своим глазам: у костра сидят Малеинов, Кухтин и Моренец.

— Ребята!..

Что там было! Подхватились «шашлычники» — и к Саше. Его неуклюже, по-мужски тискали в объятиях, хлопали по плечу, забрасывали вопросами. Быстро пролетела ночь, а когда солнце поднялось из-за гор, альпинисты распрощались. У каждого было задание. Сидоренко временно оставался в Местии в распоряжении штаба 900-го горнострелкового полка, а Малеинова, Моренца, Кухтина командование направляло в долину реки Мульхры. Разведгруппе лейтенанта Малеинова предстояло обследовать ледники Дзинал, Ласхедар, пройти Твибер и другие перевалы, выяснить все о противнике, его численность вооружение, средства связи.

Война в горах особая по своим трудностям, метеорологическим условиям. Да еще в таких высоких горах, как Кавказские. Центральная часть этих гор была самым протяженным и труднодоступным участком Закавказского фронта. Она тянется от Казбека и до самого Эльбруса на четыреста с лишним километров. В этой части Главного Кавказского хребта от подошвы до перевальной точки — 3500—4000 метров. На каждом шагу отвесные скалы, бездонные пропасти, неприступные лед-

ники с массой глубоких трещин. Куда ни глянешь — снег, снег. Частые ветры, лютая стужа. Так много дней подряд.

В такое время года горы не балуют человека. Поэтому группа Малеинова выполняла задание в невероятно тяжелых условиях. К тому же на Местийском перевале заболел командир группы, а сам Малеинов сильно обморозил ноги. Вернувшись с задания, сам уже не мог снять ботинок. Не помнил Алексей, как его доставили в госпиталь и как потом бинтовали ноги.

Не засиживались на месте и остальные альпинисты. Задание следовало одно за другим. Летучие отряды Николая Моренца, Виктора Кухтина, Александра Сидоренко, Юрия Однoблюдова можно было встретить всюду: на горных тропах, на снежном плато, на крутых перевалах, куда даже туры не заходили. Они выслеживали врага, нарушали его коммуникации, устраивали завалы на дорогах, совершали дерзкие налеты.

Это было единоборство молодых, только сформированных, советских горнострелковых отрядов с отборными альпийскими частями «третьего рейха».

Еще задолго до войны гитлеровское командование сформировало из лучших альпинистов и лыжников, жителей горных селений Тироля, специальные части. Альпийских стрелков в сиреневых куртках и с черным пером на кепи до небес возносили гитлеровцы. К лету сорок второго года, имея большой опыт боевых действий в горах Норвегии, Югославии, Греции, они шли на Кавказ, нахальные, уверенные в своем превосходстве. Специальное горное снаряжение, вооружение, теплое обмундирование, вьючный транспорт, мулы позволяли им легко передвигаться в горах, подниматься на ледники и снежные перевалы.

Генерал от инфантерии Рудольф Конрад и его альпийские стрелки из 49-го горнострелкового корпуса были

уверены в своей легкой победе. Но прошел месяц-другой, и наши советские альпинисты, горнострелковые отряды сбили спесь с надменных тирольских стрелков. Особенно отличились в горах 105-й и 106-й летучие горнострелковые отряды, в которых служили инструкторами лейтенанты Виктор Кухтин, Николай Моренец и другие альпинисты.

Сколько у них за плечами дерзких набегов на вражеские гарнизоны, сколько мин, оставленных на горных тропинках, камнепадов, сброшенных на головы фашистов! Гитлеровцы не раз стремились перехватить летучие отряды лейтенантов Моренца и Кухтина — и все напрасно.

Тихо. Ярко светит солнце. По вьючной тропе медленно тянется караван эдельвейсовцев. И вдруг взрыв один, другой. Вниз летят огромные ледяные глыбы, камни. Валится настоящий камнепад на головы фашистов. Фашисты кто куда, но от метких пуль не спрячешься.

К январю бравые альпийские стрелки и вовсе упали духом. Перешедшие в наступление, наши горнострелковые части уже на всех участках гнали с гор незадачливого генерала Рудольфа Конрада и части его альпийского корпуса.

Наступление наших войск продолжалось, и командующий Закавказским фронтом генерал армии Тюленев приказал выбить гитлеровцев с Эльбруса и снять с высот «5633» и «5621» фашистские знамена.

В начале февраля 1943 года штурмовые группы советских альпинистов стали стягиваться к подножию Эльбруса. С перевала Бечо подошли Н. Гусак, Ю. Одноблюдов, А. Сидоренко, Б. Грачев, Г. Хергиани, Б. Хергиани, В. Кухтин; с Донгуз-Оруна — Н. Моренец, А. Грязнов, А. Багров, Н. Персианинов, Л. Каратаева, Г. Сулаквелидзе, А. Немчинов; по Военно-Грузинской дороге через перевал Крестовый

прибыли из штаба Закавказского фронта военный инженер 3-го ранга Александр Гусев, заслуженный альпинист, совершивший более ста восхождений, брат известного поэта Виктора Гусева. С ним Е. Белецкий, В. Лубенец, Е. Смирнов, Л. Кельс, фронтовой кинооператор Н. Петросов. Их было двадцать, молодых офицеров Советской Армии, альпинистов во главе с Гусевым. А против горстки смельчаков стоял Эльбрус — двуглавый великан в толстом ледовом панцире. Гитлеровцы поднимались на Эльбрус летом, в самое лучшее время года. Тогда они и водрузили на вершинах свои имперские флаги. Однако в зимнюю стужу на Эльбрус редко кто ходил. А что такое зимний Эльбрус? Хочешь выпрямиться, а ветер валит тебя на склон. Снял на минуту рукавицу, чтобы поправить сползшие с глаз дымчатые очки, а вечером вместе с ремешками от часов отдираешь собственную кожу. Альпийские стрелки гауптмана Грота поднимались на вершину на лыжах, а нашим альпинистам они были ни к чему: склоны до самой вершины — сплошной лед...

Впереди шла разведка. Все может быть по пути — и засады, и минные поля. Шаг за шагом преодолевают альпинисты крутые и опасные склоны, глубокие, занесенные снегом ледниковые трещины. Видимости никакой. Острыми иглами мелкий снег сечет лицо, слепит глаза. Вот и долгожданные 4200 метров над уровнем моря. Здесь «Приют одиннадцати». До войны это был хороший отель, теперь он без окон, изрешеченный пулями, осколками бомб и снарядов.

Автоматы наизготовку. Но тут пустынно. Только свищет ветер в оконных проемах да гудят сорванные с крыши ржавые листы железа.

— Испугались эдельвейсовцы, драпанули, — хитровато улыбнулся Одноблюдов, и в прищуренных глазах его мелькнула радость. Но вот его внимание привлек

блеснувший на снегу какой-то предмет. Юрий нагнулся и поднял поясную пряжку с фашистским гербом и готической надписью «Гот мит унс» — «С нами бог».

— Видишь, и бог фрицам не помог, — засмеялся Одноблюдов и протянул бляху Сидоренко.

Саша взял ее, с неприязнью повертел в руках, а потом бросил на землю и со злостью ударил носком ботинка. Гитлеровская бляха прогромыхала по склону и завалилась в трещину.

Поднимались все выше и выше... А когда смельчаки были уже у самой вершины, разразилась снежная буря. В одно мгновение все смешалось в белой мгле: и небо, и земля. Десять дней и столько же ночей, прижавшись друг к другу, альпинисты пережидали непогоду.

Именно тогда в боевом подразделении альпинистов и родилась «Баксанская». Тогда не такая длинная песня, как сейчас, а короткая в пять куплетов с припевом, она понравилась всем:

Где снега тропинки заметают,
Где лавины грозные гремят,
Эту песнь сложил и распевает
Альпинистов боевой отряд...

Помнишь, товарищ, вой ночной пурги,
Помнишь, как кричали нам в лицо враги,
Помнишь, как ответил с воем автомат,
Помнишь, как вернулись мы домой в отряд?

...12 февраля немного приутих буран, непрерывно бушевавший много дней на склонах Эльбруса. К полудню даже выглянуло солнце. У альпинистов полным ходом шли последние приготовления к штурму Эльбруса, к снятию фашистских штандартов и водружению победных флагов нашей страны.

О том, как происходил поединок 20 альпинистов с двуглавым великаном Эльбрусом, лаконично рассказывают фронтовые записки Александра Сидоренко:

«13.II.43 г. Проснулся в 1.15. Погода испортилась, западный ветер, облачность, снегопады... Решили идти маленькой группой на Западную вершину (разведка).

В 2.30 вышли Гусак, Белецкий, Бекну и Габриэль Хергиани, Е. Смирнов и я. Ориентировка затруднена. Взяли левее. Габриэль и я проваливались в трещину несколько раз. Идем дальше У моей левой кошки раздвигаются звенья. Трудно чинить на таком ветру. Нудный длинный траверс! Ветер в лицо. На щеках и на носу то и дело образовываются ледышки. Светает...

У триангуляционной вышки на Западной вершине увидели обрывки фашистских штандартов, сорвали. Установили советские флаги!

...Спуск. Туман очень искажает и затрудняет ориентировку. Куда идти? Внизу услышали выстрелы из автоматов, карабинов и ручного пулемета. Начинает темнеть.

В 17.40 поздравляют товарищи у Приюта. Погода совсем портится...»

Этим не закончилась Эльбрусская эпопея. Оставалась еще Восточная вершина — высота «5621». И только через четыре дня, когда немного утихла разбушевавшаяся метель, альпинисты снова вышли на Эльбрус. Тогда, 17 февраля 1943 года, в дневнике Александра Сидоренко и появилась еще одна историческая запись:

«...В 11 часов установили советский флаг. В этот день узнали по радио, что освободили Харьков. Вечером отметили сразу два эти события».

Так день 17 февраля 1943 года вошел в историю Великой Отечественной войны, не только как день крушения фашистской символики, но и как день немеркнущего подвига, который совершили герои Бечойского перевала Юрий Одноблюдов, Александр Сидоренко, Николай Моренец, Виктор Кухтин и шестнадцать его товарищей-альпинистов, в условиях зимней непогоды водрузив на Эльбрусе победное знамя нашей Родины.

ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-АЛЬПИНИСТЫ!

Кончилась битва за Кавказ. Малеинов вышел из госпиталя и остался, как и Одноблюдов, преподавателем школы военного альпинизма и горнолыжной подготовки в Бакуриани. Сидоренко, Кухтин, Моренец с наступающими войсками ушли на запад, освобождали Прагу, Будапешт, Вену.

Чуть больше трех десятилетий прошло с тех памятных событий. По-разному сложилась послевоенная судьба героев ледяной эпопеи. Бывший начальник перехода Юрий Васильевич Одноблюдов, ныне заслуженный тренер СССР и заслуженный работник культуры РСФСР, живет в Москве.

С Юрием Васильевичем не раз приходилось встречаться на Кавказе, в альпинистском лагере «Баксан», где после войны много лет подряд он был начальником учебной части. Мы виделись в Домбае, на переаттестации старших инструкторов альпинизма, выступали вместе у традиционных альпинистских костров, однажды пришлось встретиться неожиданно и на Алтае, в глухой тайге.

...Совсем недавно побывал я в Москве и, конечно, не мог не зайти к Юрию Васильевичу. Поднявшись на пятый этаж, позвонил. Дверь открыла хозяйка в просторном темном платье, жена Одноблюдова.

— Мина Фадеевна?..

Вышел и сам хозяин.

— Заходи, заходи!

Много интересного рассказали они мне в тот вечер о ледовом походе, о своей послевоенной жизни.

Скрипнула дверь. В комнату входит крепкая, как и мать, дочь Юрия Васильевича. Это Таня, та самая девочка, которую в годы войны балкарцы окрестили на мужской лад и часто в шутку называли Татьяной Георгиевичем. Ее-то, грудного ребенка, родители в рюкзаке и перенесли через снежный перевал Бечо, в тот незабываемый сорок второй год.

Таня стоит со стопкой книг под мышкой, улыбается, щурясь, будто яркий свет бьет ей в глаза.

— Сдала? — спрашивает Юрий Васильевич.

— На «пять», папочка.

Оказывается, Таня, работая монтажницей на машиностроительном заводе, учится на последнем курсе МВТУ.

В Москве живет и Александр Игнатьевич Сидоренко, заслуженный мастер спорта и талантливый кинооператор. Его изумительные киносъемки на Памире знакомы зрителям по фильмам «Белое пятно ледника Сагран», «День победившей страны» и другим. Александр Игнатьевич и способный фотограф. Его чудесные снимки под общим названием «Лед и люди» отмечены серебряными медалями на Международной фотовыставке.

О Саше Сидоренко, мужественном исследователе Юго-Западного Памира, хребта Памира Великого, покорителе памирских великанов — пиков Патхор, Карла Маркса, я слышал еще до войны, но впервые встретился с ним лишь в августе 1951 года. Тогда с Александром Семеновичем Зюзиным, заслуженным украинским альпинистом, мы руководили одним из первых послевоенных массовых восхождений спортсменов-железнодорожников на Эльбрус.

На высоте 4200 метров над уровнем моря стоит в виде гондолы дирижабля двухэтажный дом метеорологической станции. Здесь мы встретились и подружились с начальником зимовки Александром Игнатьевичем Сидоренко.

Осенью шестьдесят восьмого года Алёксандр Игнатьевич приехал в Киев. С поезда он пришел в депо, прямо в цех, где я принимал вышедшие из ремонта скоростные электровозы.

Была у Саши одна слабость — локомотивы, он ими давно интересовался, и я с удовольствием водил его по мастерским, поднимался с ним на тепловозы, электровозы, стоявшие на тракционных путях.

Закончился рабочий день. Мы вышли из помещения. Осенний ветер поднимал с земли золотистый ворох опавших листьев и кружил его по деповской площади.

— Как мама, Саша?

— Ничего, — улыбнулся Сидоренко. — Держится. Ей уже семьдесят восьмой год.

— На Дону?

— Нет, со мной в Москве.

Жива и здорова и Сашина племянница Эльвира Новичкова, переходившая с бабушкой через перевал и так боявшаяся крика филина. Ныне она учительница, депутат Ростовского областного Совета.

Живы и другие участники перехода. Летом 1968 года мне довелось побывать в Тырныаузе.

Куда бы я ни заходил — всюду встречал людей, которые с благодарностью вспоминали своих спасителей — альпинистов. В горкоме партии я узнал, с каким радушием встречали в Тырныаузе Николая Павловича Моренца и Виктора Петровича Кухтина. Виктор Петрович прилетел на Кавказ с Южного Сахалина, где уже много лет работает связистом. Гуляя по похорошевшему городу, Кухтин услышал, как кто-то окликнул его:

— Виктор Петрович!

Кухтин оглянулся и замер от неожиданности. Перед ним стояла группа женщин, среди которых он узнал Евдокию Ивановну Лысенко, Елену Ивановну Железняк, походного повара, Веру Борисовну Кубаткину.

— Вера Борисовна? Вы?

Но Кубаткина словно не слышала Кухтина.

— Помните мешочек с сухарями и записку в нем? — спросила она.

— Записку! — и Виктор Петрович вспомнил, как однажды на рассвете уходил он в ущелье Юсеньги за очередной партией и вместе со своими продуктами, сухарями, оставил записку: «До свидания, дети».

Были разные встречи. Но, пожалуй, самой неожиданной и трогательной была встреча с Моренцом, которого Кухтин не видел с февраля сорок третьего года, когда снимали фашистские штандарты с Эльбруса.

В Тырныауз приезжали Сидоренко, Малеинов. С Малеиновым мы не раз встречались. С ним давно были хорошими друзьями, работали лет десять в «Джантугане» — альпинистском лагере железнодорожников. Малеинов, как и Сидоренко, заслуженный мастер спорта СССР.

Отгремели пушки на перевалах, занесло снегом старые блиндажи. Алексей Александрович посвятил свою жизнь горному строительству, и его мечты постепенно стали сбываться. И то, что в живописном Приэльбрусье возвышаются над облаками изумительные по красоте и архитектуре горные отели на поляне Азау, в Итколе, есть кресельные подвесные дороги на гору Чегет, туристские хижины в Адыр-Су, плавательные бассейны в Баксанском ущелье, — след натруженных, удивительно умелых рук Малеинова.

В Нальчике встретился я еще с одним участником

перехода через перевал Бечо, старшим лейтенантом милиции Григорием Двалишвили. Оказывается, после похода он уехал с комбинатом на Север, в Норильск, работал на руднике, а когда ему исполнилось восемнадцать лет, ушел добровольцем на фронт. С танковой частью дошел до Берлина. После демобилизации из армии работает в милиции. В Нальчике у него семья: жена Софья Алексеевна, учительница химии, и две дочки — Наташа и Оля.

Рассказал он и о многих участниках перехода.

— Спрашиваете, что сталось с моими земляками-тырныаузцами, переходившими с нами перевал? Одни сразу же вернулись на рудники, когда наша армия освободила эти места, другие остались жить там, куда эвакуировались. Не все дети могли вернуться к родным, так как отцы и матери многих погибли на войне с фашистами. Они выросли в детских домах, в русских и грузинских семьях.

Провожая меня, на перроне Нальчикского вокзала Григорий Валерьянович помахал рукой и крикнул вдогонку:

— Геноцвали! Передай привет Моренцу!

С удовольствием выполнил я просьбу Двалишвили и передал Моренцу самый горячий привет от его грузинского побратима. С Николаем Павловичем мы встретились в Сумах, где он сейчас живет и работает заведующим облнаробразом. Вот он сидит рядом со мной и улыбается, подперев щеку широкой ладонью. Лицо немного усталое, серебрятся виски.

— Ну как работается? — спрашиваю Моренца.

Вместо ответа слышу:

— Сидоренко помните?

— Еще бы.

— Вчера подарок прислал.

Николай Павлович протягивает мне «Кругозор» —

музыкальный журнал за 1968 год. Я смотрю и ничего не могу понять.

— Ищи третью страницу!

Вот и третья страница. В самом верху красными буквами заголовок: «Солдатская книжка Эльбруса» и дальше слова Александра Гусева, профессора МГУ, заслуженного мастера спорта: «Двадцать взошли на Эльбрус. С войны не вернулось трое. Сегодня семнадцать могут рассказать историю этого снимка — доктор наук, заслуженные мастера спорта, доцент, токарь, полковник в отставке, партийный работник...» И дальше фотография Александра Сидоренко — водружение советских флагов на Эльбрусе.

— Смотри дальше.

Переворачиваю несколько страниц. Вижу музыкальную страничку — пластмассовую пластинку.

— Тут мой «Барбарисовый куст».

Слушаем в исполнении Ю. Визбора и В. Тамарина Колину песню «Барбарисовый куст».

...Ветер тихонько колышет,
Гнет барбарисовый куст,
Парень уснул и не слышит
Песен сердечную грусть...

Щемящая тоска, затаенная сила и выстраданная надежда волнуют. Мы сидим не шевелясь, ловим последние отзвуки удаляющейся песни...

— Как будто вчера было все, — нарушает молчание Моренец. Он нагнулся к столу, достал груду писем.

— Тем, кого мы переносили через перевал, сегодня, наверное, лет по тридцать. Пишут многие.

Я беру письмо, лежащее сверху. Оно от Оли Кормилиной, бывшей ученицы девятого класса Тырныаузской средней школы:

«...Группа наших учащихся, в том числе и я, вместе со взрослыми шли по леднику.

— Комсомольцы, — сказали вы, — должны оказывать помощь матерям с малыми детьми. И мы взяли по малышу и понесли через Куриную грудку. Хорошо помню, как мы несли ребенка лет трех. Всю дорогу он терпеливо молчал, но, когда мы добрались до лесов Сванетии, с облегчением по-взрослому вздохнул и спросил: «А сюда фашисты не пройдут?»

Что было дальше? Мы попали в Норильск. Там учились. Затем я работала пионервожатой. В 1944 году вступила в партию, в 1949 закончила Нальчикский пединститут и сейчас работаю в Белоруссии директором Щедринской средней школы. Мой отец, Кормилин Александр Петрович, оказывал вам помощь в оборудовании Куриной грудки и работал проводником на перевале. Сейчас отец на пенсии. Низко, низко вам кланяемся».

И действительно, нельзя не поклониться альпинистам, комсомольцам, одному из которых тогда едва исполнилось шестнадцать...

Многовековая история Кавказских гор, если не считать древних сказаний, еще не знала случая, когда бы через такую высоту, почти четырехкилометровый перевал, прошло столько людей. Двадцать пять дней и ночей нечеловеческой выдержки, стойкости: вверх-вниз, вверх-вниз, в дождь, грозу, метель. И так изо дня в день — по двадцать километров только в один конец. С Южного Приюта на Северный, с Северного на Южный. Туда — налегке, обратно — с женщинами, стариками, детьми. 1500 женщин и стариков и 230 детей спасли они. И ни одного срыва, никто не разбился, не утонул в горных реках, не попал под лавину или случайный камень.

Да, это был беспримерный, похожий на легенду поединок с ледовой стихией...

Вот как пишет об этих событиях Маршал Советского Союза А. А. Гречко:

«...Хочется сказать несколько теплых слов о наших славных альпинистах. Они сыграли немалую роль в боях на перевалах Главного Кавказского хребта... Они лично принимали участие в специальных боевых операциях, наземной и воздушной разведке в горах, в эвакуации населения Нальчика и селений Баксанского ущелья, в переводе войск через перевалы Донгуз-Орун и Бечо... Альпинисты были на всех высокогорных участках фронта...»

На Бечойском перевале, как и раньше, нет ни зимовок, ни метеостанций, ни какого-либо другого жилья. Только непоседливые альпийские галки, пожалуй, единственные его постоянные обитатели.

Здесь, в безмолвной тишине, среди разрушенных скал и вечных льдов, стоит невысокий серебристый обелиск. Его поставили энтузиасты из одесского туристского клуба «Романтик» *. На отлитой из металла доске изображен воин в краснозвездном шлеме и девочка, обхватившая его ручонками. Там же надпись:

«Через этот перевал в 1942 году советские воины-альпинисты Сидоренко, Малеинов, Двалишвили, Кухтин, Моренец, Однoблюдов перенесли 230 детей, спасая их от фашистской чумы».

И кто бы ни проходил через перевал: бывалый турист, пастух-балкарец или сван-охотник, обязательно остановится возле обелиска, положит букетик альпийских цветов. Как дань героизму и неслыханному мужеству молодых воинов-альпинистов...

---

* Туристский клуб «Романтик» Одесского политехнического института за наиболее содержательную работу по организации и проведению походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа награжден жюри IV Всесоюзного слета (по группе вузов) первой премией.

СОДЕРЖАНИЕ

Ветров И. Е.

В39 Перевал Бечо. Документальная повесть. М., «Молодая гвардия», 1974.

128 с. с фотогр. (Честь. Отвага. Мужество.) 100 000 экз.

Эта повесть о подвиге советских альпинистов. В годы Великой Отечественной войны, когда фашистские части подошли к Кавказскому хребту, смертельная угроза нависла над населением одного из рудничных поселков. Тогда небольшая группа солдат-альпинистов взялась вывести все население поселка через перевал Бечо. При недостатке альпинистского снаряжения, в сложных метеорологических условиях все участники похода, среди которых в основном были дети, старики и женщины (более двух тысяч человек), были благополучно переправлены в безопасные районы. О людях сильных и мужественных пишет автор, сам бывший альпинист, участник Великой Отечественной войны, ныне инженер Илья Ветров.

$В \frac{70302-044}{078(02)-74} 177-74$ 9(С)27

Ветров Илья Ефимович

ПЕРЕВАЛ БЕЧО

Редактор **С. Михайлова**
Художник **Г. Ушаков**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Л. Петрова**
Корректоры: **З. Федорова, К. Пипикова**

Сдано в набор 19/X 1973 г. Подписано к печати 7/II 1974 г. А07625. Формат $70\times108^1/_{32}$. Бумага № 3. Печ. л. 4 (усл. 5,6) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 6,2. Тираж 100 000 экз. Цена 23 коп. Т. П. 1974 г., № 177. Заказ 1962.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.